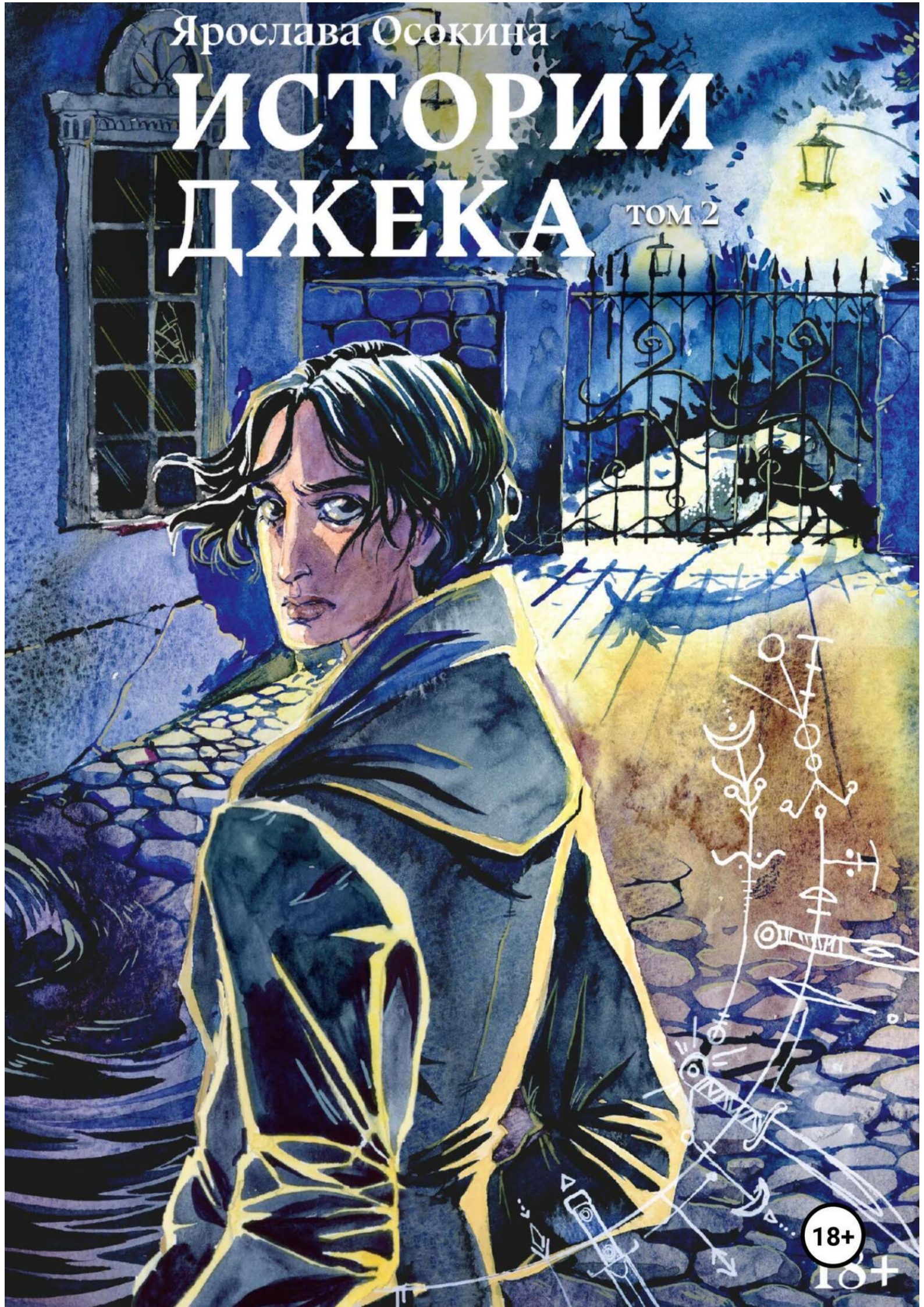

Ярослава Осокина

ИСТОРИИ ДЖЕКА

ТОМ 2

18+

18+

Прорехи и штопальщики

Ярослава Осокина
Истории Джека. Том 2

«Автор»

2016

Осокина Я.

Истории Джека. Том 2 / Я. Осокина — «Автор»,
2016 — (Прорехи и штопальщики)

Июньским днем в городе Гражине встретились будущие напарники — маги Джек и Энца. Номинально боевые маги, а так... два недоразумения. Всего за пару месяцев они обзавелись внушительным списком разрушенной муниципальной собственности и дисциплинарных взысканий, а еще парой раскрытых дел и репутацией. Специфической репутацией. Во втором томе «Историй Джека» герои продолжают делать глупости, задумываются о мировом господстве, а также с большим размахом отмечают День мертвых. В привычной тишине старинных улиц Гражина зреет нечто недоброе, кто-то пьет силы магов, а напарникам вскоре предстоит столкнуться с силой, которая даже им не по зубам.

© Осокина Я., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Часть третья. Ветер в пустоте	5
История двадцатая. Дурные шутки	5
История двадцать первая. Симптомы болезни	16
История двадцать вторая. Старые легенды	27
История двадцать третья. Могилы и их обитатели	36
История двадцать четвертая. Дело упокоенной ведьмы	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Ярослава Осокина

Истории Джека. Том 2

Часть третья. Ветер в пустоте

История двадцатая. Дурные шутки

Яркий солнечный свет заливал кабинет через высокое окно.

Хозяин кабинета сидел спиной к окну, опираясь локтями о массивный стол, и его лысина несолидно блестела на солнце.

Джек шурился, но разглядеть выражение лица мужчины было сложно: свет слепил, скрадывая черты. От этого контраста начинала болеть голова. Джек сглотнул, сев поудобнее, чтобы отогнать подступающую боль. Последнее время во рту постоянно был мерзкий кисловато-горький привкус – бесова еда из столовой и кафе. Какая-никакая домашняя готовка Энцы все же была приятнее желудку. Джек покосился на сидящую рядом девушку: тоже шурился, склонив голову к плечу.

– Давайте будем откровенны, – говорил их собеседник, сложив руки в замок. – Я бы не хотел, чтобы вы беспокоили моих сотрудников. Проведите свое расследование максимально быстро и тихо.

Дело было... странноватым. Запрос поступил совсем недавно, из маг-бригады Северной заставы, с пометкой «сложный случай». Некая фирма, издательский дом учебной литературы «Амадина», настаивала на том, что у них в офисе «происходит что-то плохое», но при этом маг-бригаду и на порог не пустили. После того как дело оказалось в отделе архивных исследований, и Унро позвонил, чтобы уточнить детали, сотрудников отдела сразу же пригласили на встречу. Поехали только Джек и Энца; Унро отправился по личным делам: ему нужно было до конца оформить бумаги с общежитием.

Секретарь встречал их внизу, у роскошного парадного крыльца, украшенного скульптурой лежащего красного льва. Секретарь молчал, будто в рот воды набрав, да и замдиректор, к которому их проводили, тоже напускал туман, разговаривая то о погоде, то о важности соблюдать конспирацию.

– Эм-м, господин К-камень, – Энца запнулась на имени: не далее получаса назад они с Джеком потешались, читая дело по дороге. – При всем уважении, мы не... не обещаем, что расследование можно провести втайне. Вы понимаете, специфика нашей работы...

– Я слышал, – прервал ее мужчина. – Вы не используете силы, данные вам матерью-природой, предпочитая искусственные заменители. Артефакты, амулеты.

– Забавно вы это преподносите, – усмехнулся Джек. – Особенно если учесть, что вы сам являетесь магом не самого высокого уровня. Интересно, как вам удалось встать во главе такой крупной фирмы? Связи?

– Вас это так удивляет? – вдруг огорчился мужчина, и в голосе ясно послышалась печаль. – То, что человек может занять достойное место?

– Не человек, – поправил его Джек. – Маг.

Господин Камень замолчал. Энце стало неуютно под его пронзительным и неприятным взглядом.

– И вы... одобряете подобное положение вещей? – наконец заговорил он. – Когда человек с отметкой Института парасвязей в документах не имеет возможности подняться выше обыч-

ного специалиста? Неужели вам никогда не хотелось выпутаться из силков, куда нас загоняет система? Или вы оба... из этих амеб, которым все равно где находиться, лишь бы не трогали?

Джек хотел было возмутиться формулировкой – почему сразу «амебы», – но Энца дернула его за рукав.

– По-моему, – мягко сказала она, – мы далеко ушли от нашей темы. Давайте вернемся к...

– Неужели вам никогда не хотелось изменить этот мир? – медленно спросил Камень, не слушая ее. – Ведь это несправедливо. Мы не хуже них. А в чем-то и превосходим, и они нас боятся. Они сковывают нас, ограничивая свободу, и пользуются нашей силой. Без нас люди бы прятались по убежищам – им нечего противопоставить монстрам иных миров... а вместо благодарности они сели нам на шею, и наши дети гибнут в неблагополучных районах. И то, что над магами разрешено проводить эксперименты, как вам это нравится? Это скрывается от широкой общественности, что все их амулеты проходят проверку на безопасность не на кроликах, а на живых людях. Вы знали об этом?

Джек широко улыбнулся. Несмотря ни на что, этот мужик нравился ему все больше и больше.

– Да, – сказал он. – Подлые сволочи и вивисекторы. Пытаются прикрыться тем, что платят по тройному тарифу, но ведь это не суть, правда? Главное, что эксперименты. Еще и добровольное согласие требуют: ни в какие ворота не лезет.

Камень моргнул, сбиваясь с мысли. Некоторое время смотрел на Джека, пытаясь понять, серьезен тот или нет. Джек, разумеется, был предельно серьезен.

Как, впрочем, и всегда, когда представлялась возможность сыграть одну из своих дурацких шуток.

Камень откашлялся и продолжил, хотя вернуться к прежнему тону удалось с трудом.

– Д-да, это вы верно сказали. Придумывают завлекательные приманки, обманывают несведущих. А что творится за вышками Саржино?..

– А в Остзейде магов развешивают по деревьям, – невзначай заметил Джек, имея в виду, что живет-то им тут вполне себе неплохо, в отличие от некоторых, но Камень понял его неверно.

– Да! – подтвердил он. – Там еще хуже. Мрак и тьма, которые вполне могут поглотить и нашу страну. Ведь в наших руках поменять все, а мы – совершенно никто из нас ничего не делает. «Справедливая ассамблея» пыталась донести до общества эти идеи, но кто, как не сами маги, помогали с захватом протестующих на Алом турнире? Прислуживая людям, мы идем в бездну и губим друг друга. А вы двое?..

Напарники ответили ему крайне подозрительными взглядами. Фразой «А вы двое?..» Яков обычно начинал свои околос воспитательные беседы.

– Ведь в ваших руках, возможно, будущее магов этой страны. Вы оба уникальны. Когда секретарь доложил мне о том, кто приедет на встречу, я изучил о вас все данные, что смог достать. Вы оба, по отдельности и в связке, – идеальное оружие против немагических существ, – он сделал паузу и подался вперед, цепко глядя на них блестящими темными глазами, – против людей.

Энца оторопела, а у Джека брови поползли вверх. Такого поворота никто из них не ожидал.

– Вам не выстоять против заклинаний, но в случае с людьми это и не нужно. У них нет защиты от вас... неужели осознание этого не привело вас к логичной мысли, что вы стоите на порядок выше их? Что вы не обязаны подчиняться их унижительным законам?

Картины всеобщего разрушения: летящие по ветру обломки, разрубленные до основания здания, и где-то сверху – воцарившийся над миром Джек, повелитель штормов и бурь, и Энца в качестве верного телохранителя с огромными устрашающими мечами, мгновенно пронеслись в умах напарников. Картины, разумеется, несколько отличались: у Джека там присутствовал

удобный черный трон и некоторое количество полуобнаженных дамочек, а у Энцы – груды прекрасного оружия, дары поверженных людишек.

Несколько секунд напарники ошеломленно смотрели на мага, подавшегося вперед, потом переглянулись.

Столько пережив вместе, они уже могли разговаривать без слов, понимая друг друга на лету.

«Кажется, этот человек – сумасшедший», – читалось во взгляде Энцы.

«По-моему, крутые у него идеи», – согласно прищурился Джек.

Энца честно пыталась сдержаться, но дурацкое хихиканье вырвалось у нее против воли.

– Простите, – выдавила она. – Я не хотела...

Откинув голову, она расхохоталась, а Джек грустно покивал:

– Совершенно несерьезный человек. Я уже сколько раз склонял ее к идеям о мировом господстве, а она все хихикает. Ну а вообще мысль интересная, у вас уже составлен бизнес-план?..

– Вижу, у нас с вами разговора не выйдет. Соболаговолите покинуть кабинет. О деле мы поговорим в другой раз, – сухо и разочарованно произнес Камень.

Он нажал кнопку на интеркоме, и секретарь из приемной, сутулый молодой человек в очках, вывел Джека и Энцу из здания.

Снова оказавшись рядом с монстрообразным львом у входа, напарники некоторое время смотрели на него, потом Джек сказал:

– Давай, что ли, на солнце отойдем, слишком прохладно. Знобит.

Они отошли к невысокой ограде газона, и Джек закурил.

– Ну чего, долго еще ждать? – спросил он. – Может, сами зайдем?

Энца пожалла плечами и полезла за телефоном, чтобы проверить время.

– Обещали встретить внизу. Ну, Джек, я же говорила, что мы опоздали, времени-то вон сколько уже! Странно... вроде я следила за временем, не должны были так поздно... А, подожди, тут сообщение пришло.

Девушка на всякий случай отвернула экран от напарника, чтобы прочитать.

– Так это от них, от издательства, – растерянно сказала она. – Пишут, что встреча переносится, и детали уточнит секретарь.

– Зря ехали, – рассердился Джек. – Хотя в принципе можно воспользоваться ситуацией и пообедать где-нибудь в приличном месте, а то от институтских тошниловок у меня скоро желудок наизнанку вывернется.

Секретарь и господин Камень смотрели на напарников сквозь затемненное стекло фойе. Секретарь чувствовал недовольство начальника и попытался подсластить пилюлю:

– А как без запинки сработало плетение на статуе! – немного преувеличенно восхитился он. – Они даже не поняли ничего, память стерлась мгновенно. Вы просто мастер.

– Это несложно, если объекты воздействия не имеют никаких навыков распознавания чужой магии, – возразил Камень, но черты его, заострившиеся от пережитого разочарования, все же сгладились.

– Все равно сама идея выключения памяти по триггеру просто гениальна, – продолжил разглагольствовать секретарь и неловко замолчал под недовольным взглядом начальника.

Его спас телефонный звонок. Камень поднес мобильник к уху и знаком приказал секретарю удалиться.

Нервно переживая неудачную попытку подольститься, секретарь уныло слушал обрывочные реплики начальника: «нет, не вышло», «запись отправлю», «вас понял, а разве не стоит?..»

Видимо, это куратор интересовался ходом дела.

Ну и подумаешь, тоже мне важные птицы, утешил себя секретарь. Кто они вообще такие? Даже триггер обрыва памяти не распознали.

А вот вчера господин Камень такую жирную утку поймал, что эти двое и рядом не стояли. А что еще будет.

Что еще будет...

Сентябрь был теплым, а порой и жарким, словно лето не хотело отступать. Кампус Института стал многолюднее. Любопытные студенты компаниями приходили поглядывать под окнами прославившегося за лето флигеля, а Яков сказал, что скоро здание включат в общий маршрут экскурсий.

Понемногу и флигель стал наполняться жизнью: на третьем этаже расчистили и оборудовали несколько кабинетов, и напарники порой пытались угадать, кого к ним пришлют.

Первыми появились две женщины, архивариусы, – они забрали у Энцы и Унро всю опостылевшую работу по разбору старых дел и созданию электронного каталога.

Старшей было сильно за пятьдесят, ее звали Леди, у нее были очки на цепочке, цепкие зеленые глаза и темные элегантные костюмы. Она была ниже Энцы и шире в два раза. Джек ее опасался и старался не попадаться на глаза: Леди не упускала возможности отчитать его за неподобающий вид, склонность к курению и опозданиям. А вот к Энце и Унро она была благосклонна: не раз угощала домашними пирожками, сдобривая их рассказами о внуках.

Младшей было около двадцати пяти – бесцветная молодая особа с круглыми, вечно удивленными глазами. Она едва слышно шелестела, разговаривая, и деловитая Леди была у них в паре за главную. Младшую звали Гарброу, и с легкой руки Джека обеих дам за глаза величали не иначе как Леди Гарброу. Магички почти не появлялись на их этаже, проводя все время или внизу, в архиве, или у себя в кабинете.

Новый начальник, хоть и давно обещанный Яковым, так и не появлялся. Зато теперь к ним часто забегал Ворон – он перевелся в Гражин на преподавательскую должность и после событий в имении считал за удовольствие «поболтать с молодежью».

Через неделю после начала учебного года стремительным шагом, с шумом распахнув дверь, в отдел – и их жизнь – вошла Шиповник.

Девушке было чуть больше двадцати, она еще училась, и работа засчитывалась как необходимая практика. Высокая, статная – настоящая русоволосая красавица с уверенным взглядом светло-голубых глаз. Больше всего Энцу восхитили волосы новенькой: такие длинные, что кончик косы Шиповник небрежно засовывала в задний карман джинсов, чтобы не мешался.

Унро был поражен в самое сердце, но ему дали быстро понять, что ничего серьезного не светит. Ростом не вышел, да и с коллегами новенькая принципиально не имела дела.

Джеку она чем-то напомнила Офелию, и он по возможности старался ее сторониться.

В день первого знакомства с Шиповник, не подозревая о том, что к ним идет пополнение – письмо от секретаря кадровой службы, как всегда, затерялось где-то на подходах, – все трое собирались на выезд. Джек попросил Энцу подвязать ему волосы, чтобы те не мешались, а Унро был послан на шкаф: там в коробке лежали запасные артефакты.

Ни молодой человек, упавший со шкафа при виде новенькой – Унро, конечно же, в свойственной ему манере сразу попал впросак, – ни длинноволосый хлыщ, сидевший на стуле, ни мелкая девчонка, возившаяся с его волосами, не внушили никакого доверия или уважения Шиповник. С первого взгляда девушка поняла, что тут будет очень сложно.

Придется как-то привыкать и наводить порядок, а еще донести до этих людей, что неформальные отношения на работе не комильфо.

Да и смеяться так громко и часто тоже не следует.

При выборе места практики Шиповник посчитала этот отдел довольно перспективным: из-за недавних событий и малочисленного персонала у нее будет больше возможности для продвижения выше. Учиться ей оставалось всего полтора года, а близость к архиву и экспериментальным площадкам Птичьего павильона в следующем году поможет в написании дипломной работы.

Тут же было... все неправильно.

Никакого начальника.

Никакого распорядка дня и четкой организации работы.

Идиотские шутки и розыгрыши. Халатное отношение к делу.

Да еще и сам флигель. Шиповник специализировалась в одном из направлений пространственной магии и потому сразу поняла, что вокруг здания еще остались некоторые аномалии. Она написала заявление в техническую службу – и через неделю после того, как ей так и не ответили, попробовала исправить аномалии сама.

Еще три дня после этой – как ей казалось, удачной – попытки Шиповник приходилось звонить на мобильный Энце и просить встретить ее у входа: флигель отказывался появляться.

Потом все наладилось, но некоторые шутки флигель продолжал выкидывать – иногда можно было зайти не в ту комнату, что планировал, или потерять дверь от архива. Буквально потерять. Порой пропадали окна на первом этаже, и тогда в срочном порядке Энца и Унро хватались за швабры и отмывали до блеска полы на всех этажах.

Некоторое время после уборки шуток с переходами и пропажей становилось гораздо меньше.

Унро говорил, что здание любит чистоту, а Шиповник сердилась и спорила: у зданий не бывает любви или ненависти, у них даже души нет, и это доказано множеством исследований.

Если Унро уже стал своим за этот месяц, окончательно завоевав сердца напарников чудесным умением из остатков подсохших в холодильнике продуктов готовить отличные бутерброды в микроволновке, то Шиповник вовсе и не хотела стать «своей».

Кое-как в отделе установилось тяжелое перемирие, разбавляемое все более частыми отсутствиями Джека и его постоянными опозданиями. Раньше чем через месяц Шиповник перевестись на другое место не могла, на этот счет для студентов были строгие правила, так что девушка, сжав зубы, держалась.

Однако именно Шиповник нашла ту странную закономерность, которая стала головной болью всего отдела на долгое время.

– Руки из стены? – сердито фыркнула она и бросила очередную бумагу в стопку слева.

На ее столе ровной шеренгой высились пять стопок с делами, заявлениями и запросами. Несмотря на титанические усилия Энцы и Унро в прошлом месяце, поток бумаг, которые нужно было обработать, все еще не иссяк, и в нем по-прежнему попадались запросы, датированные июнем, июлем и даже маем.

Шиповник не ожидала, что в этих докладных и заявлениях, порой написанных от руки, будут откровенно нелепые и странные просьбы и доносы. Она-то хотела чего-нибудь посущественнее, вроде таинственных событий, как в книгах или фильмах, но большая часть дел, к ее разочарованию, оказывались пустышками. Бывали и случайно попавшие сюда бумаги, вроде анонимного доноса на мага-ученого Шенке – еще прошлогодний, до того, как Шенке запустил турбийон и был арестован.

– Можно посмотреть? – спросила Энца, забирая бумагу.

Унро, любопытный как кошка, тут же подкатился на кресле ближе. Энца сейчас сидела рядом с ним, на месте Джека.

А Джек опять отсутствовал. Второй день подряд – и это было уже не впервые. Когда он появлялся, Шиповник требовала, чтобы тот звонил или хотя бы писал, если собирается так надолго выпасть из общения. Джек сердился – не хватало ему очередной «мамочки» на голову, чтобы отчитываться в своих передвижениях.

В сентябре у всех работы было много, так что встречались теперь друзья реже. В основном у Донно сидел Роберт и приезжала Энца.

Энца тоже переживала за Джека: кто знает, очередной загул или... что-то более страшное. После затишья августа и первых дней сентября истории с пропажами магов возобновились. В газетах стали писать, что это дело магического общества, и пусть они сами разбираются. Сейчас у всех на устах был суд над террористами, которые взорвали пугачи с осколками на Алом турнире.

Разбирательство шло долго, постоянно появлялись новые подробности, заседания суда переносились. Газетчики негодовали, а террористы упорно твердили, что в их пугачах не было осколков и что они не планировали ничего опасного. В общем, о маньяке теперь волновались только сами маги. Полицейские, которые помогали следствию, были отозваны: по утверждению главы маг-бригад города, у них были намного более важные дела.

Донно подарил Энце мощный защитный амулет и приказал никогда не снимать. Энца не слушалась – на выездах, если вдруг выпадало ехать с Джеком, амулет сильно фонил, мешая работе артефактов, так что девушка его убирала подальше, полагая, что присутствие самого сильного мага в мире и ее всережущие клинки защитят от чего угодно.

– Руки из стены, – сказала она задумчиво, пробегая глазами заявление.

– Да их там три или четыре еще, – насупленно отозвалась Шиповник. – Руки! Из стены! Вот в этой стопке посмотри еще.

– Это не может быть просто так, – заключила Энца, проглядев остальное. – Разные места и разные люди. Давай я это в отдельное дело оформлю.

– Я сама, – сказала Шиповник: она не любила отдавать свою работу.

Пусть и бессмысленную.

Бумаги взял Унро:

– Интересно, что тут общего? Может, связано с временем суток?

– Не связано, – отрезала Шиповник. – Я уже думала.

– А место? – спросила Энца. – Давай на карте потыкаем, может какая-то там закономерность обнаружится?

На стене рядом с дверью теперь висела большая карта города, и любимым делом Энцы было втыкать в нее булавки с разноцветными головками.

Унро зачитывал адреса, по которым происходило явление, а Шиповник взяла справочник с указанием нестабильных зон и называла ближайшие к этим адресам области.

«...Хочу донести до вашего сведения злостное нарушение сотрудниками полиции своих прямых обязанностей. Три дня назад мною был утерян кошелек с приличной суммой денег и несколькими кредитными карточками. Мною было заявлено об этом немедленно, я выполнил все необходимые процедуры, но кошелек так и не был найден, несмотря на мои неоднократные обращения к дежурным полицейским. Более того, два дня назад я столкнулся с откровенно хамским отношением со стороны ответственных лиц неустановленной должности, которые в крайне неприятной для меня форме...

... также со стороны полицейских были проведены розыгрыши, которые мне показались совершенно неуместными, а мою супругу...

... когда мы проходили мимо полицейского участка, из стены противоположного дома показалась рука. Она не двигалась, но несомненно, это был преглупейший розыгрыш полицейских, и я хотел бы обратить внимание на этот вопиющий факт...»

Выдержки из заявления в головное управление

полиции города Гражина

от г-на П-ва

Из резолюции к заявлению:

«Переслать заявление в Институт парасвязей, справку о переводе запроса выдать потерпевшему и завести на него дело

о клевете и причинении помех следствию. Обнаглели уже совсем,

работать не дают, а жалобы пишут».

«Мы с девушкой домой возвращались, после вечеринки, – и значит, уже полночь прошла давно, потому что мы в половине первого домой собрались.

И вот мы идем, а тут кто-то рукой машет. Мы подумали, что это из наших, и подошли ближе. А там из стены рука торчит. Почти по локоть, бледная и очень худая. А стена была обычного жилого дома, только торцевая, где окон нет. Мы сначала не испугались, потому что подумали, что в стене дырка какая-то, но когда рука переместилась выше, стало видно, что поверхность ровная и дырок никаких нет.

Ну, мы сначала очень испугались и побежали, а потом подумали, что сфотографировать надо и вернулись. Но уже ничего не было».

Из интервью очевидца

в журнале «Тайны Гражина»,

статья «Непознанные загадки современного города»

«Я вообще-то не боюсь всяких штук, но вот эти были страшные. Вы уж сделайте что-нибудь, пожалуйста. Я не знаю, куда надо писать, поэтому пишу вам. Может, вы перешлете куда нужно. Я два раза пугалась очень сильно, а вдруг там дети пройдут и что-то случится? Меня оно за подол платья хватало, когда я на работу шла. У нас там возле дома трансформаторная будка, и я раньше срезала дорогу, между ней и домом. И рука эта появилась вдруг из стены, дернула меня за подол, я повернулась и чуть не упала, так страшно было. Потом через два дня я опаздывала и забыла совсем, снова там пробежала, и снова оно меня схватило.

Я на форуме у девочек спросила, куда про это писать, никто не знает. В полицию постеснялась идти, хотя может надо было. Нашла через поисковик вас. Помогите, пожалуйста.

С уважением,

Solnisko_S»

Из письма в техподдержку форума «Пара-Б»,

первого и старейшего форума о парабиологических сущностях

(переслано на портал Института парасвязей)

– Нам нужны последние сводки по паранормальной активности в этих районах, – сказала Энца, когда булавки были расставлены. – Никакой связи сейчас между ними не вижу... два случая на севере, один в центре города, по одному еще в трех разных кварталах.

Она посмотрела на Шиповник, но девушка не сразу поняла, что от нее хотят.

– В архиве, – подсказала Энца. – Позвони, пожалуйста, Леди Гарброу, они тебя хорошо слушают.

И это было правдой: обе женщины только к Шиповник относились как к ответственному работнику, по первому требованию выписывали справки и подбирали нужные отчеты. Поначалу ее тоже брались опекать, как Унро и Энцу, но Шиповник быстро это пресекла.

Спустя сорок минут на общем столе высилась внушительная стопка разнообразных отчетов за весну-лето: и административные сводки, и криминальные, и паранормальные, и даже метеорологические.

Джек пришел после обеда, с подозрением оглядел горные кряжи из папок и бумаг и спросил:

– Опять, что ли, чего-то раскопали? Или вас дамы подключили к своим делам?

Он без особого интереса полистал ближайшую к нему подшивку и отбросил.

– Вы уже обедали?

Энца вынырнула из-за бумаг:

– Ты откуда вообще?

Джек на миг остановился, глядя на нее. Потом опомнился, тряхнув головой.

– Переклинило почему-то, – сказал он. – Вдруг показалось, что не помню, откуда приехал. Я у Эли был, у нее проблемы дома, помогал.

– Интересно, с чем, – сухо отозвалась Энца, отворачиваясь от него. – Помогал есть ее деликатесы, которых она опять наготовила слишком много?

– А ты чего язвишь? – заинтересовался Джек.

– Подождите, – встрял Унро, который слушал их невнимательно и из всего уловил только про еду. – Там Леди Гарброу сегодня принесли шарлотку и оставили для нас, а я забыл передать.

– И сам слопал? – сурово спросил Джек.

Унро испуганно замотал головой.

– Нет, что ты. Все так и лежит в холодильнике. Пойдем пить чай?

Шиповник выразила сомнение в необходимости делать перерыв и тем более есть мучные изделия, вредные для фигуры, но Энца прихватила с собой блокнот и предложила перенести обсуждение в комнату отдыха.

По дороге Джека ввели в курс дела, и он неожиданно увлекся: наконец хоть какая-то загадка, а не надоевшая рутина последних недель.

– Три случайно выловленных заявления и еще столько же – направленных именно в Институт, верно? – спросил Джек. – Почему в наш отдел, а не к Якову?

– Потому что это лично нам с тобой, – сказала Энца. – Это наши дела, те самые, с пометкой «а posse».

– Это латынь? – спросил Унро. – А как это – «лично вам»?

– Потому что за нашим отделом закреплены такие дела, – пояснила Энца. – Те, в которых непонятно, действительно ли там есть паранормальное или это выдумки и совпадения.

– Видно же, что не совпадения, – сказал Унро. – Они должны были сразу понять.

– Кто «они»? – спросил Джек. – Секретари, что ли, которые их сюда переправили? Через них тонны такой макулатуры идут. Едва ли они читают все подряд. Энца, пометь, надо проверить, не связаны ли все эти люди друг с другом. Вдруг это чья-то грамотно разыгранная шуточка.

Шиповник презрительно фыркнула: представление о специфическом юморе Джека она уже имела и, более того, лично сорвала несколько его шуток.

– Тех, что писали на форум и в журнал, отследить будет сложно, – задумчиво сказала Энца. – Разве что обращаться к... хм. У нас там знакомый есть на форуме, помнишь, Джек?

Напарники обменялись кислыми взглядами.

– Пообещай ему эксклюзивную статью о новом виде парабиологических существ, – сказал Джек, – и возможность защищать этот вид от произвола властей, и он нам выдаст все, что нужно.

– Хорошо, – кивнула Энца, записывая себе в блокнот.

– Еще нужно будет осмотреть все места, где это происходило, – сказала Шиповник, все же невольно втягиваясь в обсуждение. – Если это шутка, то и следы должны остаться, магический фон, к примеру.

– Тогда это вам с Унро, – кивнул Джек, подтягивая к себе последний кусок шарлотки.

Шиповник прищурилась было, чтобы возразить, но Джек быстро добавил:

– Если фон, то его только вы прочтаете. А интеллектуальными делами займемся мы с Энцей.

Шиповник нахмурилась, пытаясь понять, было ли это оскорблением, но опытные Энца и Унро быстро перевели разговор на другую тему.

Поездки распланировали на следующий день, а до вечера удалось разобрать почти все присланные из архива сводки, и Унро обнаружил еще несколько странных вещей, которые временно решили не привязывать к «рукам», но взять на заметку.

С мая по июль в городе было обнаружено несколько точечных прорех искусственного происхождения – среди магов их называли черными лужами. В отличие от естественных прорывов, эти можно было увидеть невооруженным взглядом, и похожи они были на бесформенные глянцево-черные лужи мазута. Существовали недолго, схлопываясь примерно через двадцать-тридцать минут.

Их появление значило, что где-то рядом творилась темная магия, и довольно мощная, раз давала такой сильный отзвук.

Тот же Артур, несмотря ни на что, темной магией пользовался понемногу, исподволь, чтобы этакой отрыжки в виде черных луж не появлялось.

Энца встревожилась и хотела сразу звонить Якову, чтобы передать ему данные, но Шиповник, уже предвкушавшая удовольствие от удачно раскрытого дела с «руками» и связавшая с ним черные лужи, убедила ее ничего не говорить хотя бы дня два-три.

Джеку было все равно, а Унро, как и Шиповник, горел желанием самому во всем разобраться.

Энца не стала спорить, хотя на душе было беспокойно.

Не то чтобы эти черные лужи были как-то из ряда вон, но и в таком количестве давно не появлялись. Видимо, из-за того, что последние месяцы царил суматоха, то с умертвием, то с турниром, данные о черных лужах не учитывались и не передавались на заметку в отдел уголовных расследований. Темная магия была уже вне юрисдикции отдела Якова или архивных расследований.

Они засиделись допоздна, начало темнеть. Шиповник, сердито ворча, схватила сумку и полетела к себе в общежитие, делать домашнюю работу, с негодованием отклонив робкое предложение Унро проводить ее.

Оставшись втроем, коллеги еще какое-то время раскладывали бумаги, потом по настоянию Джека отправились в комнату отдыха перекусить.

Снова сообщение. Энца не глядя пометила прочитанным. Удалять всю цепочку не хотела – иногда перечитывала, пытаясь понять. Она уже не отвечала ничего, потому что даже многократно обдуманные и, может быть, излишне вежливые попытки объяснения толковались против нее. Любое слово оборачивалось наизнанку, и каждое ответное сообщение еще больше ранило Энцу.

Энца уже давно знала, кто это. У нее почти сразу появилась догадка – и девушка тайком стащила телефон у Джека, чтобы проверить ее. Номер совпал – у Джека он был забит как Эли.

А вот смысла не было. Никакого. Впрочем, нет, догадки – и очень глупые, притянутые за уши, как сказал бы Джек, появлялись. Из-за ревности: может быть, Эли отчего-то считает ее соперницей, причем настоящей, из тех, что хитростью отбивают чужих мужчин для удовольствия. А выразить свое горе иначе Эли не может, посылает эти сообщения. Может, у

Эли... какие-то проблемы? Она казалась вполне здравомыслящей женщиной, да и по рассказам Джека тоже ничего дурного не было. Хотя в последнее время Джек мало о ней говорил, сокрушался только пару раз, что у него все никак не получается стихотворение, которое просила Эли.

И... последнее время они с Джеком вообще почти не разговаривали. Дежурства в Птичьем павильоне отменили, Яков посчитал, что для наказания уже достаточно, на выездах часто с ними бывал кто-то из отдела, так что разговор был общим.

Сейчас тоже – Джек рассеянно спросил, как там у нее в общаге, понимающе хмыкнул, когда она ответила, что нормально, и они замолчали. Унро тоже о чем-то задумался, потом подскочил и понесся звонить матери: докладывался каждый вечер, что день прошел, а с ним, Унро, все в порядке.

Напарники посмеялись над юношей, а потом Энца тоже вышла – в туалет. Телефон она забыла рядом с кружкой и, вернувшись, обнаружила его в руках Джека.

– Давно это? – напряженно спросил Джек.

Энца сузила глаза, чувствуя непонятный тяжелый страх под ложечкой.

– Ты... почему мой телефон берешь? – трусливо возмутилась она.

И уже знала, что именно он увидел.

Наверно, пока ее не было, снова пришло сообщение: на экране выпрыгивал пузырь с текстом, и Джек мог случайно его прочесть... вот ведь дура, надо было телефон с собой брать...

– Я спрашиваю, давно это? – повысил голос Джек, и Энца поняла, что тот в бешенстве.

Это совсем выбило ее из колеи: по-настоящему злой Джек выглядел страшным.

– Это... не твое дело, – процедила она, сжимаясь в комок. – Ты вообще не должен был туда лезть.

– Это мое дело, дура! – заорал он. – Ты что, вообще с ума сошла? Почему ты мне это раньше не показала?

– А что бы ты сделал? – крикнула она в ответ, отстраненно поражаясь самой себе. – Тебе что, не все равно?

– Да твою ж мать...

Она уже видела такое лицо у Джека – в кресле у Винни, в лабораториях. Злое и полное сдерживаемой боли.

– Я ни в чем не виновата, – заявила она, чувствуя уже, как подступают слезы и дрожит голос. – Не хотела я никуда лезть и ссорить вас. Я с ней не ругалась, ты же видел, если все прочитал. Я не виновата и ничего такого не думала...

– Разве в этом проблема, идиотка?

Энца только открыла рот, чтобы ответить, как дверь скрипнула. Они оба обернулись, мгновенно теряя запал, но это был всего лишь Унро.

– Что случилось? – удивился он. – Энца, ты чего, плачешь?

Девушка замотала головой и сбежала из комнаты, а Джек поспешил следом, оттеснив Унро к стене.

В этот раз флигель выкинул свою очередную шутку: вместо коридора они оказались в темном подвальном помещении архива, но пронесли еще несколько шагов, прежде чем поняли это. Энца шепотом выругалась: Леди Гарброу могли уже запереть архив на ночь, но Джеку не было дела.

Крепко ухватив ее за тощее плечо, Джек сказал:

– Я во всем разберусь. Никогда больше не замалчивай такие вещи.

Потом Энце пришлось срезать замок на двери и весь следующий день выслушивать гневные упреки Леди, даже объяснительную писала, но благодаря обаянию Джека удалось избежать штрафа: поломку двери спустили на тормозах.

Через несколько дней Энца набралась храбрости и спросила Джека, пока рядом никого не было:

– Ну... как там, вы не поругались?

Видя удивленное лицо напарника, она пояснила:

– По поводу... переписки...

– Какой переписки? – нахмурился Джек. – Ты вообще о чем?

И это напугало ее даже больше, чем все сообщения Эли вместе взятые. Она попробовала продолжить разговор, пытаясь выяснить, забыл ли Джек обо всем или разыгрывает ее. Джек некоторое время слушал ее, потом отмахнулся.

В двадцатых числах сентября, вместе с досадной новостью о внеочередной медицинской проверке, в отделе появился новый начальник.

Подтянутый, с выправкой военного, высокий мужчина лет сорока бодро вошел в кабинет и оглядел сотрудников пронзительно-серыми глазами. Девушкам он подмигнул, а потом, пригладив рукой короткие седые волосы, представился:

– Финнбар. Ну, здравствуйте, ребята. Надеюсь, мы поладим.

История двадцать первая. Симптомы болезни

Что есть темная магия?

Средневековые авторы в большинстве своем утверждали, что основа темной магии – злой помысел. Потому и последствия дурны, и средства ужасающи. Вопрос баланса энергии в мире волновал их куда меньше, и потому за поднятие мертвецов и наведение порчи карали смертью, а создание боевых амулетов считали уважаемой работой. А между тем боевые амулеты вызывали – как при активации, так и при уничтожении – мощный и опасный откат, рвущий саму материю мира.

Сейчас же под темной магией понимается та, которая ведет к дисбалансу тонких энергий и силовых линий, та, что истончает или разрывает границы мира, нарушая его нестойкое равновесие.

Философы и эзотерики современности и поныне спорят о сущности темной магии и тонкостях ее детерминирования, хотя юриспруденция четко определяет темную магию как уголовно наказуемую деятельность, вне зависимости от того, какими помыслами – добрыми или злыми – руководствовался маг.

– Устала, да? – сочувственно спросила Энца Сагана, кивнув на Анну.

Магичка уютно свернулась в углу обширного дивана, положив голову Сагану на плечо, и спала.

Саган помолчал, а потом ответил, нахмутив светлые брови.

– Да не знаю даже, – неохотно сказал он. – Мне кажется, что она заболела. Устает быстро и чуть что – засыпает. Мы сегодня и не выезжали даже, у нас сокращенное дежурство было.

– Чего ко врачу не отведишь? – спросил Роберт, выходя из кухни и вручая ему бутылку пива.

– Да разве она пойдет? Тем более совсем недавно она была на медицинской комиссии, ничего не нашли.

– Уже прошла комиссию? – удивилась Энца. – А нам с Джеком еще повестки не присылали.

Донно из кухни сказал, что чуть попозже посмотрит Анну сам, и если что, у него есть отличное средство от простуды.

– Джек-то сегодня придет? – спросил Саган.

Энца пожала плечами и осторожно начала:

– Знаете, с Джеком тоже что-то странное, он пропадает и...

– Скотина Джек, – невнятно сказала Анна и проснулась. – Пропадает и не звонит. Разве так можно? У меня прямо сердце не на месте каждый раз...

– У тебя же не было дурных видений, – отмахнулся Роберт.

Анна долго и серьезно смотрела на него, пока мужчина не смутился.

– А вдруг именно в этот раз ничего не будет? – спросила она. – О тех взрывах на турнире я вообще ничего не видела, ни снов, ни предсказаний. А ведь мы все там присутствовали.

– Ну да, – согласился Роберт, – но никто серьезно не пострадал.

– Джека сильно порезало, – возразила Анна, и между ее бровей пролегла тень.

– Джек себя странно ведет, – снова начала Энца. – Он...

Роберт хмыкнул и мягко похлопал ее по плечу.

– Джек себя с рождения странно ведет, не переживай, – сказал он. – Просто ему скучно у вас стало, а он всегда в этих случаях сбегает.

Третий раз заводить эту тему Энца не решилась: она прекрасно понимала, что Донно все слышит, и ее настойчивость ранит его. Он старался, конечно, делать вид, что все в порядке,

но Энца заметила, как Донно болезненно хмурится. Поэтому все вопросы и предположения о том, что случилось с Джеком, Энца оставила при себе.

Порой концепция жизни, которую всячески поддерживал Джек, – не думать о сложном, казалась ей вполне себе удобной.

Да и Джек вообще-то уже большой мальчик, разберется со своими делами. Если ему скучно, может заниматься чем хочет, они как-нибудь обойдутся.

Подумаешь.

Сразу после окончания суда над террористами премьер-министр распорядился провести полномасштабную медицинскую проверку среди магов. В первую очередь изучали психическую компоненту сознания, расщепление которой было легко определить. Во вторую — тщательно искали малейшие следы участия в темных ритуалах. Таким образом правительство пыталось предупредить повторение подобных акций.

На деле же это было сумбурное, тяжелое для всех сторон мероприятие. Составленный график явок сотрудников Института, студентов, рядовых магов из других организаций постоянно уточнялся, дополнялся, изменялся. Энце три раза приходило сообщение на электронную почту о переносе даты осмотра, а Унро – всего один, зато на день раньше, так что оказалось, что он опоздал.

Переносили и уточняли, как говорят, из-за высокопоставленных магов: чтобы им удобнее и чтобы некоторые оппозиционеры случайно не пересеклись. Страдали от этого все.

В итоге на каждого выделялось по двадцать минут: проверяемый садился на стул перед комиссией, снимал все обереги и амулеты и отвечал на вопросы. Вопросы были подобраны специально, один из комиссии сканировал ауру, второй считывал ментальный отзвук, третий проверял соответствие магического уровня заявленному в анкете.

Энца давно знала, чем чреваты для нее подобные проверки – из-за ее уровня проверяющие всегда ставили на себя дополнительные щиты (чтобы она случайно не забрала их энергию) и использовали особые процедуры, черпая небольшие порции силы из нее. Для обычного мага эти порции были действительно неощутимыми, а для нее...

В этот раз она сумела удержаться и не упала в обморок.

С собой у нее были ватные шарики и перекись водорода, а за дверью ждал Джек. Он предлагал наладить постоянный канал как тогда, в Железном лесу, но Энца не согласилась: проверяющие засекут это и еще неизвестно, как воспримут. Может быть, как попытку обмануть комиссию – а за это лишают лицензии.

Энца предпочла потерпеть.

Чем меньше проверяющие находят, тем лучше. У нее всегда излишне подробно изучали наличие остаточного фона, который бывает при насильном изъятии энергии. К счастью, случай с Донно и врачом был слишком давно, чтобы остались внятные следы, а Джек был зарегистрированным напарником в партнерской программе, так что ничего криминального комиссия не нашла.

В этот раз было не только тошно от мгновенной откачки энергии, но еще и больно. Раньше такого не случалось, и Энца, колебавшись, сообщила об этом магу, который в это время держал пальцы на ее висках, измеряя уровень.

Он не ответил, а дама из комиссии, обычный человек, как поняла Энца, строго сказала, что следует молчать.

Уходила Энца сама – в отличие от многих других подобных комиссий, когда ее выносили в коридор «подышать». Кровь из носа почти не шла, и Энца просто зажала пальцами ноздри, опуская голову ниже, как учил Джек.

Напарник ждал ее за дверью. Сам он комиссию прошел еще вчера и вдоволь поиздевался над проверяющими. Никакие щиты от него не закрывали, и мощный поток энергии не уда-

валось отрегулировать, так что результат проверки остался все тем же: уровень не поддается измерению.

Никто не любил медкомиссии. Проходить их полагалось раз в несколько лет для продления лицензии, а тут внеочередная, да еще и общая. Давно не было столько возмущения в курилках и социальной сети. Один парень из Птичьего павильона даже начал собирать подписи против медкомиссии, но с этим делом связываться почти никто не стал: мало ли, может, провокация и часть проверки.

Интересная версия о связи «рук» и черных луж, с которой так носились Шиповник и Унро, провалилась.

Со рвением новичков оба проехали по местам явления рук, обследовали каждый доступный сантиметр стен, повторно расспросили тех очевидцев, что сумели найти, и снова засели за изучение сводок.

Ни следа возможного розыгрыша они не нашли. Но и магического фона не было – зато на двух последних местах Шиповник ясно почувствовала посмертную ауру.

Призраки. *Вероятно*, призраки.

Ребята с новой силой взялись за сводки, пытаясь отыскать концы, загадочные смерти или неопознанные трупы, но смогли найти только то, что опрокинуло первоначальную версию.

Расстроенный Унро тем вечером показывал свои выкладки Джеку и Энце, а Шиповник, сердито сопя, печатала доклад к семинару. Из-за их расследования она подзапустила занятия и поэтому доделывала задания на работе.

– Вот, – сказал Унро. – Тут я написал, когда были черные лужи, в этом столбике – когда руки появлялись, а вот тут – у меня не уместилось, поэтому я сбоку добавил, – из уголовной хроники совпадения.

Он вздохнул, почти одновременно с Шиповник, которая с удвоенной силой продолжила барабанить по клавиатуре.

– В общем, руки появлялись с мая, два случая; потом в июне четыре сразу. Мы подумали, что лужи, как это бывает, не всегда по времени совпадают с моментом сотворения черной магии, и могут смещаться на день вперед или назад. Но даже так, с допуском, только три черные лужи подходят к рукам, и то... которые майские, ближе вот к этим двум задержаниям темных магов. Я нашел в уголовных сводках: одного мужчину задержали на месте преступления, спяну пытался сделать дыру в каменной ограде парка, чтобы побыстрее попасть на улицу, второй прямо в квартире проводил ритуал призыва некой сущности, из-за него электричество отключилось во всем квартале.

– Странно, что отчеты о лужах не подшили в дело, – рассеянно сказала Энца.

– В какое дело? – удивился Унро.

– Ну, в уголовное, – пояснила Энца. – В оба дела, на этих магов.

– А, – сказал Унро. – Так их отпустили. В сводках написано, что за отсутствием прямых доказательств применения темной магии...

Джек и Энца переглянулись.

– Парень, ты в курсе, что у тебя на руках те самые прямые доказательства? – лениво спросил Джек.

Унро медленно повернул к нему голову, а Шиповник потрясенно распахнула глаза. Кисточка косы, которую она задумчиво жевала, размышляя над докладом, со стуком упала на клавиатуру.

– Так это значит, мы все-таки что-то нащупали?.. – выдохнул Унро.

– Ну да, – ответила Энца. – Молодец. Давай мне эти сводки, я оформлю бумаги и перешлю в Чайный домик...

Быстрее молнии Шиповник выхватила из протянутой руки Унро документы и ревниво сказала:

– Мы сами! Это мы нашли, – потом, поколебавшись, спросила: – А по какой форме надо составлять бумаги?

– Выслуживание до добра не доведет, – с укором сказал Джек и собрался было курить, но потом вернулся. – Ты, парень, не договорил, что там дальше-то было?

– Дальше? А. Ну, те лужи, что в июне и июле, они никак ни по времени, ни по месту не совпадают. Ни с руками, ни с другими сводками. Начинаются они с третьего июня и дальше неравномерно идут до конца июля.

– А что было третьего июня? – вдруг нахмурился Джек. – Энца, что-то у нас было третьего июня?

Энца и сама зацепилась за эту дату, но в отличие от Джека у нее всегда была хорошая память на числа.

– Тараканы, – сказала она. – Это было за день до того, как мы разнесли тот сквер с тараканами.

Джек замер, обдумывая.

– Выброс энергии, – сказал он. – Яков у нас пытался потом выяснить, не было ли каких-то странных штук.

– Давай сюда, Унро, эти отчеты с третьего числа и дальше, – решительно сказала Энца. – Их вот точно надо оформлять и передавать Якову. К рукам они отношения не имеют, а вот Якову будут интересны.

– Что за тараканы? – удивилась Шиповник, которая так и не поняла, о чем речь.

Более осведомленный Унро – он уже послушал эту историю в разных исполнениях – пояснил:

– Это парабиологические сущности, инсект-типа. Джек с Энцей обнаружили и уничтожили огромное гнездо.

Хотя в этой медицинской проверке были и свои плюсы: например, удалось повидаться с Камелией и Кло – их тоже вызвали на освидетельствование. Камелия позвонила за день до приезда и сухо сообщила, что они везут с собой свиные ребрышки в карамели и домашнее пиво, так что вечер ничем не занимать.

Энца порадовала бы Джека новостью о бесплатном пиве, но тот взял обычай уходить с работы сразу после обеда и отключать телефон: из-за этого они уже два раза пропускали вызовы.

С августа им снова стали присылать запросы на выезд как патрульным: случаев по их категории стало больше.

Одной Энце запрещалось выезжать, и она сильно огорчалась, потому что ей катастрофически не хватало движения. Как только начался учебный год, ходить на тренировки к Барбанегре так же часто, как раньше, уже не получалось, и Энца порой не знала куда себя деть, привыкнув к ежедневной нагрузке.

Первый раз она приехала на вызов одна, не сумев дозвониться Джеку. Один из трех патрульных магов, который отправлял запрос, проверил ее удостоверение и грубо сказал разворачиваться и ехать обратно.

– П-почему? – запнувшись, спросила тогда Энца. – Это наша специализация, по монстр-объектам, не поддающимся магии. Мы их... просто разрезаем.

– Мы? – переспросил маг и огляделся. – Кто «мы»? У тебя метка стоит о запрете одиночной работы. Из нас никто тебя поддержать не сможет, а одна ты ничего не разрежешь. Ну... если ты о себе «мы» говоришь, то вперед – я погляжу.

Это оказалось унижительно и больно.

Пресловутая амфисбена, которую Энца убила, когда только-только познакомилась с Джеком, была самым обычным монстр-объектом.

В этом же, медленном, но словно бронированном теле, ее клинки вязли. Вязли, будто у нее снова ничего не было и не было никогда. Толстое приземистое тело не уворачивалось от ударов, а голова на узкой шее пыталась вцепиться в ноги Энцы. Оно поглощало магию.

Поглощало обычную магию и магию клинков. И даже ее врожденный дар разрезать все.

Будь Джек рядом, у Энцы бы хватило силы на то, чтобы разрубить эту тварь от и до, но... Джека не было.

С дрожащими губами она отпрыгнула в безопасную зону, к патрульным. Стараясь не расплакаться, она даже не поняла, что ей говорят.

– Ого, – уважительно протянул один из магов, – смотри-ка, ты на нем какие царапины оставила. Ладно, ребят, звоним в штаб, надо круг собирать, так не справимся.

За этот выезд им с Джеком выписали очередной штраф.

И за последующие несколько неявок тоже.

Вот и сегодня, пока они были с Донно на обеде в студенческом кафетерии, на телефон пришла ориентировка с адресом и запрос подтверждения, а Энца не смогла дозвониться Джеку.

Она рассердилась, больше даже не из-за штрафа за пропуск, а из-за того, что опять уплывает возможность подраться с монстром, и Донно никак не мог взбодрить ее разговорами, когда они шли обратно во флигель.

Они пересекали небольшую площадь перед Птичьим павильоном, когда Энце на спину прыгнула Кло, обхватывая шею руками.

– Привет! – закричала она.

Энца, невольно улыбаясь, повернулась.

Рыжая магичка как всегда была неотразима: сияющие волосы, яркие серьги и приталенный эффектный костюм с короткой юбкой – не иначе с тонким расчетом повеселиться на комиссии над проверяющими. Было что-то родственное в их с Джеком способах развлечения.

Камелия тепло пожала руку Энцы и коротко кивнула Донно, представляя себя и спутницу, а Кло тем временем за плечо дернула Энцу чуть в сторону и своим неподражаемо громким шепотом спросила:

– А это кто такой? А Джек где? Ты его кинула, да? Ну и правильно...

– Кло, – спокойно сказала Камелия. – Мы все слышим.

– Да? Ну и не подслушивайте, это невежливо.

Она смерила Донно недружелюбным взглядом.

– А мы совсем недавно видели Джека, – сообщила Камелия. – Так что, вы вечером свободны? Мы в городе на два дня, если сегодня не выходит, то завтра.

– Если вам удобно, я бы пригласил вас на ужин к себе, – неожиданно произнес Донно, который был уже в курсе того, кто такие магички, – Энца рассказала об их приезде и приглашении. – Вы наверняка остановились либо в гостинице, либо в общежитии. У меня было бы лучше.

– Если вас не затруднит, – слегка склонила голову Камелия. – Сегодня?

– Да, – сказал Донно. – Со следующего дня у меня подряд двое суток дежурства.

– А где вы его видели? – нетерпеливо вклинилась в разговор Энца: все это время она крутила головой, пытаясь высмотреть в толпе студентов, снующих между корпусами, высокую фигуру напарника.

– Он курил у входа на парковку, – отозвалась Кло и хихикнула, когда Энца стремительно рванула в ту сторону, по дороге бросив:

– Я за ним! Попробую поймать! Донно, я тебе позвоню!

Чтобы не терять времени, пробираясь среди людей, Энца вспрыгнула на кованую ограду газона и пробежала по ней, ловко балансируя на острых черных столбиках.

Камелия проводила ее взглядом, потом снова повернулась к Донно.

– Вот моя визитка, – сказала она, – давайте созвонимся ближе к вечеру уточнить детали.

– Пойдем смотреть, как она его поймает, – азартно воскликнула Кло и потащила коллегу за руку. – Пока, медведь! До вечера!

Оставшись один, Донно некоторое время постоял, приходя в себя. Эмоциональная буря Кло и властный напор Камелии произвели на него неизгладимое впечатление.

«Пожалуй, – подумал он, – с подобными женщинами понятен подход Джека: чем меньше проблем, тем лучше». Он сунул визитку в карман и отправился в свой отдел, крепко задумавшись над тем, что купить к ужину. О том, с каким рвением унеслась от него Энца, он старался не размышлять: совсем недавно Роберт пытался вправить ему мозги, заметив, как Донно не находит себе места, пережевывая про себя одни и те же мысли.

«Как ты себе это представляешь, приятель? – спросил Роберт. – Ей что, из-за твоей ревности перестать работать? Ты же видел, сколько удовольствия ей доставляют все эти сражения и даже тренировки? Ты ей с этим никак не поможешь. А если ты будешь акцентировать внимание на Джеке и вести себя так, будто там у них действительно что-то есть, она ведь и задуматься может. И ты сам уведешь ее мысли не в ту сторону. Радуйся, что ты ее приручил. А Джека ты никогда не заменишь... ну, чего вызверился? Не заменишь в плане работы. Ты никогда не сможешь сделать так, чтобы Джек ничего не значил для нее. Они связаны крепче, чем ты видишь, и чем они сами понимают. Слишком уж специфичны их силы и слишком уникально это совпадение... Короче, прекращай все это. Ты уже достал меня своим кислым видом».

Потом Роберт сам сдулся и сказал: «Лучше б помог Анну уговорить к врачу сходить. Саган сказал, она вчера заснула прямо за рабочим столом – едва разбудили. И уже не первый раз. Говорит, снится что-то плохое, но что именно – не помнит».

Вот это действительно была проблема: сезонные простуды и гриппы у магов порой принимали причудливые и опасные формы. И несмотря на врожденное упрямство Анны, втроем им удалось ее уговорить и отвести в медблок на обследование.

Врач был новый, худой рыжеватый мужчина лет тридцати, уже начинавший лысеть. У него были холодные и потные руки, и когда он осматривал Анну за ширмой, та вздрагивала.

Не найдя ничего опасного, врач прописал витамины и травяной сбор для тонуса.

– Вам надо отдохнуть, сменить обстановку, – равнодушно сказал он. – Похоже на подступающую осеннюю хандру. Или займитесь каким-нибудь делом, чтобы отвлечься.

Анна моргнула несколько раз, а потом просветила медика, куда он должен вставить свои бесценные советы, и заявила, что еще надо проверить, не липовый ли у него диплом, у извращенца несчастного, может, и на работу устроился, только чтобы причина была баб лапать.

Неожиданно разошедшуюся магичку Донно и Саган с трудом увели, и Саган при этом радостно благодарил врача – последнее время Анна была слишком вялой, и эта вспышка почему-то показалась Сагану предвестием выздоровления. Роберт же задержался в кабинете и некоторое время спокойно смотрел на врача. Под непроницаемым взглядом серых глаз тот задержался, занервничал:

– У вас тоже какие-то жалобы? – раздраженно спросил он. – Если нет, то попрошу покинуть кабинет, у меня полно работы.

– Вы тут новенький? Я вас запомнил, – медленно сказал Роберт и вышел.
У Роберта тоже было специфическое чувство юмора.

Передать все бумаги лично Якову не получилось: когда Энца подписывала у Финнбара на третьем этаже сопроводительный лист, тот рассеянно сказал, чтобы она не пыталась даже пробиться – сегодня начальник отдела практической защиты не принимает.

Что-то в его интонациях встревожило девушку, и она попробовала уточнить, в чем дело.

Финнбар передал ей подписанные бумаги и внимательно посмотрел на нее.

– Волнуетесь? Я сам всех деталей не знаю, но утром на летучке говорили, что его увольняют. А сегодня он в медкомиссии. Мы там все по очереди заседаем, если вы не знали.

Энца неловко кивнула.

Финнбар ее смущал – он то был отстраненно-холоден, то вдруг начинал подмигивать им с Шиповник, шутливо поддразнивая, когда каждое утро заходил поздороваться и узнать как дела. В его поведении не было ни фальши, ни наигранности, но никогда нельзя было угадать, что там у него на уме.

Он был старомодно галантен, не раз приносил им к чаю коробки дорогих конфет, а уж Леди Гарброу и вовсе были от него без ума: красавец-мужчина, обаятельный и вежливый – не то, что некоторые язвы, курящие слишком близко к ценным бумагам и документам, – и с пониманием. Благодаря отличной памяти и цепкому уму Финнбар разобрался в работе и организации архива за несколько дней.

Из-за того, что она никак не могла его понять, Энца постоянно вглядывалась в его лицо, пытаясь прочесть, а Финнбар отшучивался: «Что, и во мне хотите разглядеть темного мага, да, Энца? У меня алиби, честное слово».

Эти его шутки и намеки – видимо, на Артура и на всю ту историю – смущали Энцу еще больше.

В тот день с утра шел моросящий дождь. Против обыкновения, Джек с самого утра торчал в отделе, мрачный и кислый, в отвратительном настроении. Он совершенно не слушал Унро, который пересказывал ему последние новости – юноша аккуратно следил за всеми сводками, и политическими, и уголовными, и экологическими. Джек подозревал, что Унро тайком состоит в каком-нибудь обществе защиты парабиологических существ – очень уж эмоционально тот относился к этим вопросам.

– Джек, вызов на вторую половину дня, – сказала Энца, входя в кабинет.

– И тебе не хворать, – буркнул напарник.

Энца легонько пнула его по щиколотке под столом, но Джек даже не заворчал.

– Болеешь, что ли? – с подозрением спросила Энца и расстроилась. – Ну вот, а я думала, сегодня поедem наконец...

Хотя она и сама с утра дурно себя чувствовала: накануне не выспалась. Они с Кло и Камелией засиделись до двух ночи, даже не заметив, как быстро пролетело время. Донно предусмотрительно не пил и отвозил потом магичек в их гостиницу. И вот теперь Энца сидела, подпирая раскалывающуюся голову рукой, и вяло злилась.

– Всем доброе утро, – степенно сказала Шиповник, входя в кабинет.

Сегодня коса ее была обернута короной вокруг головы, и девушка постоянно прикасалась к вискам рукой, поправляя волосы. Унро попробовал было сделать комплимент, но Шиповник строго посмотрела на него, и юноша умолк.

– Что-то сегодня у всех плохое настроение, – пожаловался он.

Шиповник огляделась. Потом, хмурясь, встала и обошла вокруг столов, мимолетно коснувшись лба Энцы и изучив внимательно Джека.

– Заварю чай с имбирем, – решила она и стремительно удалилась.

Шиповник происходила из семьи потомственных магов-лекарей и травников и единственная из всего рода пошла обучаться на технический факультет. Мать и бабушка Шиповник были известными травницами; к бабушке до сих пор, говорят, ехали на лечение со всех концов страны. А Шиповник, хоть и унаследовала их таланты, решила все по-своему.

По ее словам, ни бабка, ни мать не разговаривали с ней целых полгода после поступления, только отец звонил тайком с работы, расспрашивал, как жизнь, и присылал деньги. Но даже и без этой помощи Шиповник училась на отлично, получала стипендию и постоянно подрабатывала, так что взять ее измором, как планировали старшие женщины ее семьи, не вышло.

Теперь же Шиповник заканчивала обучение, и смириться пришлось уже им.

Едва освоившись в отделе, Шиповник выкинула весь чай в пакетиках и растворимый кофе, стойко выдержав возмущение Джека и робкое недоумение Унро, принесла пузатый коричневый заварной чайник и полотняный мешок с травами и каждое утро долго корпела над составлением очередного полезного для всех состава.

Дар у нее несомненно был – только по одному взгляду или касанию девушка могла определить, что сейчас нужно ее коллегам: состав для бодрости, для успокоения, для сосредоточения или пополнения сил.

Имбирь, правда, ни Энца, ни Джек не любили, даже с лимоном, но под строгим взглядом Шиповник пришлось выпить все. Для Джека Шиповник добавила немного мяты, и напарники тайком обменялись кружками: в отличие от Энцы Джек мяту терпеть не мог.

Зато Унро всегда с удовольствием пил все, что давала Шиповник, даже если от горечи сводило во рту. Энца подозревала, что Шиповник нарочно так делает, проверяя, насколько хватит терпения у юноши. Но пока что, казалось, оно безгранично, и Унро готов был принять все.

– В общем, – сказал Унро, – ничего мы не нашли. Это не розыгрыш, но и не магия, а вот чьи это призраки, и почему они показались этим людям, непонятно. Может, совпадение. А... и свидетели друг с другом никак не связаны и не знакомы.

– Все проверили?

– Все, – отрубил Шиповник. – И связи по работе, и через друзей-знакомых, и через учебу, и родственные. И социальные сети тоже.

Она фыркнула: отчего-то терпеть не могла подобные сайты.

– Н-да, – задумался Джек. – Тупичок... А в прошлое? Насколько далеко вы залезали в их прошлое?

– К чему? – презрительно спросила Шиповник. – Зачем это еще?

– Затем, что если это призраки, то их смерть могла быть сколь угодно давно... и связь прячется тоже где-то там. Копайте дальше, пока не найдете какую-то общую для них зацепку.

На самом деле Джек говорил наобум, но по тому, как загорелись глаза Унро, понял, что попал в точку. Остальные идеи они уже все равно отработали, а силы еще оставались, архив – под рукой, в общем, азарт с новой силой охватил молодежь. Шиповник сразу стала звонить Леди Гарброу для допуска в архив, а Джек заскучал.

Крепкий чай ненадолго взбодрил Энцу, она углубилась в работу, не участвуя в общем разговоре. В полдень Джек собрался на обед, пообещав вернуться, чтобы ехать по вызову, – и действительно вернулся. Хотя и на час позже.

Энцы уже не было, и Шиповник, хмуря светлые брови, сказала, что отправила ее домой. «У нее слишком болела голова», – пояснил Унро.

Джек подумал и тоже засобирался.

– Ну а чего тут сидеть? На вызов и меня одного не возьмут, а с бумажками как-нибудь завтра... или послезавтра.

Все-таки это было не похмелье – да и с чего, пива было не так уж много, – и не простая головная боль от недосыпа. Когда Энца добралась до общежития, ее плавно вело из стороны в сторону, а тело бросало то в жар, то в холод. По-хорошему надо было позвонить кому-нибудь или идти не домой, а в медблок, но Энца соображала все хуже и хуже и на автопилоте брела к себе, чтобы лечь и, наконец, отдохнуть.

Она едва успела устроиться у себя на диване и перестала трястись от озноба, как в дверь постучали. Путешествие в несколько метров по маленькому коридору показалось ей бесконечным, и открыть дверь удалось не с первого раза.

Холодная узкая ладонь легла на горячий лоб. Голова Энцы безвольно откинулась назад, а сама девушка покачнулась.

Джек рассердился. Воспаленные от температуры и боли глаза Энцы смотрели сквозь него.

– Давай, вали в кровать, – скомандовал Джек. – Чем заболела?

– Грипп? – неуверенно предположила Энца. – Все тело ломит.

Говорила она медленно и невнятно. Едва переставляя ноги, побрела в сторону дивана. Джек некоторое время смотрел на эти черепашьи бега, потом, раздражаясь все сильнее, подхватил на руки и дотащил до дивана сам. Укутал по уши в одеяло, плед и сверху намотал шарф.

– Что болит? Горло? Температуру мерил? Кипяток у тебя есть? А лекарства?

Энца молчала, бессмысленно глядя на него из объемного свертка. Джек решительно обшарил маленькую ванную и кухню, нашел аптечку и чайник.

Энца то и дело проваливалась в густой дурной сон, не в силах даже думать четко. Она слышала, как Джек, поругиваясь, громыхает грязной посудой на кухне в поисках чашки, как клокочет вода в чайнике. Потом зазвонил телефон, и Джек что-то ответил.

Под звуки его голоса Энца заснула.

Когда она очнулась, тело все так же ломило. В комнате было зябко и темно. На ощупь, дрожа от озноба и слабости, она добралась до кухни и зажгла свет. На столе у чайника стояла наспех отмытая кружка, распотрошенная аптечка, а рядом лежал термометр и надорванная пачка растворимого порошка от жара.

«Что-то случилось, – заторможенно поняла Энца, вспомнив телефонный звонок. – Ему позвонили, и пришлось срочно уехать. С кем-то что-то случилось». От страха вдруг перехватило горло, и она некоторое время постояла, опираясь на стол обеими руками. Воздух никак не шел в легкие. Потом она вернулась в комнату и мучительно долго разыскивала телефон, чтобы позвонить Джеку.

Долгие гудки, потом раздраженное:

– Слушай, не до тебя сейчас, перезвоню.

На заднем плане звонко хохотала Эли, и фоном шел какой-то шум, то ли кафе, то ли кино. Энце и так было больно, так что нового укола прямо в сердце она почти и не почувствовала.

Снова вскипятила чайник, залила порошок и, выпив сладкий до тошноты напиток, отправилась спать.

На следующее утро приехал Донно, обеспокоенный ее молчанием, но к тому времени она уже была более-менее похожа на человека и даже могла разговаривать. Донно не мог с ней оставаться: он и так под прикрытием Роберта сбежал на полчаса с дежурства, так что, снова завернув девушку во все одеяла, он погрузил ее в машину и отвез к Анне.

У магички был выходной, и она с удовольствием окружила Энцу заботой и теплом...

Пока сама не свалилась к вечеру – с теми же симптомами. Вызванный в срочном порядке Саган привез врача, кучу лекарств и свой ноутбук с целой фильмотекой. Устроившись рядом на широкой кровати под тремя одеялами, Энца и Анна ревели над очередной мелодрамой, ворчали, когда Саган заставлял их пить положенные им целебные отвары и периодически проваливались в тяжелый сон.

– Грипп, – подтвердил вызванный врач. – Ничего, отлежаться – и все пройдет. А вам, молодой человек, я сейчас поставлю защиту от инфекции, и сами не забывайте на всякий случай пить побольше и наденьте маску.

Энца, уставая от фильма, пробовала читать, но голова слишком болела, и буквы расплывались. Засыпая, она видела только тьму и порой никак не могла понять, то ли она спит и сон видит, то ли это фильм дурацкий такой.

Анне было хуже: хотя болезнь поймали в самом начале, протекала она тяжело, и душные кошмары обступали ее каждый раз, как она закрывала глаза. Если Энца не спала, то будила ее, услышав стоны. Самой Анне проснуться ни разу не удалось.

Иногда снились люди, самые разные. Приходил отец, ругался, что она давно им не звонит – а они с матерью беспокоятся. Саган укоризненно покачивал головой. Даже Джек зашел – и вот его появление больше всего почему-то удивило Анну: сначала она решила, что это происходит на самом деле.

Был уже поздний вечер, Энца тихо спала рядом. В темноте мягко мерцал экран, шел старый черно-белый фильм, а из-за приоткрытой двери в коридор лилась узкая полоска света: там где-то был Саган. Джек неслышно скользнул в комнату.

– Джек? – удивилась Анна. – Ты что, постригся?

От жара в глазах плыло, и она медленно моргала, с трудом сосредотачиваясь на нем. «Да я же сплю, – подумала она. – Осознанный сон и, наконец, не кошмар... надо только суметь выудить смысл. Вдруг что-то полезное?»

Джек провел ладонью по взъерошенным коротким волосам и неожиданно ласково улыбнулся ей.

– Что ты хотел сказать? – спросила Анна. – Или это я должна тебе что-то?..

– Она тебя услышала? – раздался вдали голос Энцы. – Скажи ей, что у нас все хорошо.

– У нас все хорошо, – повторил Джек. – Энца просит передать всем привет.

– А разве... разве что-то случилось? – осторожно поинтересовалась женщина, интуитивно уловив некую странность в этом разговоре.

Джек-во-сне нахмурился и огляделся.

– Ну я так и знал! – воскликнул он. – Этот криворукий все неправильно рассчитал, мать его за ногу. Еще рано!

– Рано – для чего, Джек? – спросила Анна.

Джек что-то ответил, но голос его она уже не услышала в гулком шуме, заполнившем вдруг ее голову. Треск статического электричества, обрывки искаженных голосов, тихое «береги себя» Энцы, а затем чей-то глубокий жуткий голос, отдававшийся эхом в груди. Голос считал вслух, и цифры обратным ходом вспыхивали дрожащим бледным огнем прямо перед глазами. И в этом сне Анна четко знала, что следом за цифрами придет душная клубящаяся тьма.

Анна вскрикнула и на мгновение потеряла сознание – проснулась.

Саган влетел в комнату, с тревогой осмотрел магичку и привычным жестом приложил ладонь ко лбу.

– Плохо, да? Что случилось?

– Саган... Джек приехал? – спросила она. – Мне показалось, что он заходил.

– Нет, радость моя, не приезжал. Тебе приснилось.

Анна кивнула и мгновенно провалилась в глубокий темный сон.

– Шеф? – секретарь сунул голову в кабинет и зажмурился: солнце ударило прямо в глаза.

– Сколько раз говорить, по интеркому связывайся, – нахмурился господин Камень.

– Так... ну... извините, – смутился секретарь и хотел было прикрыть дверь, но шеф раздраженно прикрикнул:

– Да говори уже! Что за дурацкие манеры!

– А, ну... звонил там наш агент номер двенадцать, говорит, что каким-то образом вызвал подозрения у сотрудника отдела расследований, и очень боится, что его раскроют. Просит перевести его...

– Болван, – с отвращением сказал господин Камень.

Секретарь замялся и стремительно побледнел.

– Да не ты. Этот... двенадцатый. Передай, чтоб даже не дергался. Пусть держится за свое место, а если ему покажется, что еще у кого-то подозрения вызвал... тогда пусть пришлет имена. Нам будет проще убрать ненужных подозревающих, чем терять агентов на узловых точках. А вообще, присмотришь и к агенту, и к точке – возможно, нужно будет его переместить на другое место, если уж он такой нервный.

История двадцать вторая. Старые легенды

На Листопадную неделю, что перед осенним равноденствием, в институтском парке всегда появляются бабочки. Огненные бабочки, размером с ладонь, узорчатые, с разноцветными прожилками на сияющих крыльях, похожие на чудесные цветы. Они порхают каждую ночь, а исчезают с рассветом.

По легенде, в начале прошлого века один преподаватель был влюблен в студентку. Нравы в те времена были строгие – не то что нынешние, – и он даже смотреть на нее лишний раз не смел на людях. Сам он был достаточно молод и хорош собой, так что неудивительно, что студентка отвечала ему взаимностью. Каким-то образом все вскрылось, и преподавателю было отказано от места. Как раз тогда назревала война, бедолагу отправили на фронт, где он и был убит.

Как прощальный подарок любимой, перед отъездом он создал этих бабочек. Ровно неделю каждую ночь тьма нежно озаряется трепетом тонких золотых крыл, и в это время парк института открыт для посещения. Очень популярное место для романтических парочек.

Эту легенду рассказывают туристам на экскурсиях, а среди своих ходит другая история: о том, как компания подвыпивших студизусов шла через парк в Императорские бани – один из корпусов общежития, – кто-то из них захотел осветить дорогу, да немного не рассчитал.

С пожаром, охватившим старые деревья, удалось справиться на удивление быстро – и эксцентрично: студизусы совместными усилиями обратили огонь в безвредных красивых бабочек.

То, что творить магию в подпитии чревато разнообразными и трудноискоренимыми последствиями, знают все. Тот случай произошел в начале прошлого века, но заклятие оказалось таким заковыристым и стойким, что и спустя более ста лет бабочки не утратили своей яркости и красоты.

Девушки, конечно, больше верят в легенду о погибшем любовнике, чем в каких-то пьяных студентов, да и для туристов она привлекательнее, так что свою версию в Институте рассказывают только неофициально.

А вот в Старом парке, что возле Оружейного подворья в центре города, совсем другие легенды.

Например, рассказывают, что если оказаться под часами на перекрестке аллеи ровно в полночь, то тебя окликнут из-за спины и зададут вопрос. Сможешь ответить – тогда одно твое желание сбудется, а если нет... чудовище съест твою голову.

Бес знает, откуда это поверье – ни разу еще такого не было, чтоб безголовые тела находились. Но однако же болтают, и не первый десяток лет.

Еще одна легенда, поновее: будто бы кто-то подстерегает парочки, прогуливающиеся по темным аллеям ночью, тихонько подкрадывается и крадет юношу, а чтобы девушка не догадалась, подсовывает ей вместо него тень. Парочка доходит до выхода из парка, и тень рассеивается.

По слухам, это ревенант – сильное привидение, вернувшееся с того света, чтобы отомстить за обиду... обманутая жена, которая от горя утопилась в пруду Старого парка.

История еще более неправдоподобная, зато подкреплённая некоторыми фактами: трое юношей действительно пропадали, но на следующее утро нашлись. Избитые и раздетые догола, без сознания. Что с ними было и кто это сделал, сказать они не могли, нападали на них неизменно со спины.

Но в пруду никто не топился, по крайней мере, специально, так что официальные органы версию о ревенанте не рассматривали. Тайна оставалась тайной.

И вот, несмотря на зловещие предания, в этот теплый осенний вечер по Старому парку прогуливалась парочка.

Они бесстрашно выбирали самые темные аллеи и неспешно проходили их одну за другой. Выглядели они довольно забавно: юноша едва ли был выше плеча девушки, но тем не менее они нежно ворковали, склоняясь друг к другу и держась за руки.

Редкие припозднившиеся прохожие весьма бы удивились, услышав их разговор.

– Не виси на мне! Ты меня тянешь вниз все время! – шипела девушка.

– Знаешь, ты могла бы не надевать такие высокие каблуки, – с укором говорил ей спутник. – И я тебя совсем не тяну, наоборот, держу, чтоб не упала.

– Я не падаю!

– Но спотыкаешься. Постоянно.

Слова «если бы не я, то ты уже несколько раз упала бы» Унро благоразумно проглотил. Шиповник была не в духе, хотя на взгляд юноши ничего такого плохого не происходило.

Напротив. По его скромному мнению, этот вечер был просто прекрасен.

– Просканируй тот куст, слева, – нервно говорила Шиповник. Она вообще боялась темноты и в такие авантюры еще никогда не ввязывалась. – Ты уверен, что она идет за нами? Вдруг она осталась там, у входа?

– Не бойся, – отвечал Унро, – конечно, идет. Я ее иногда чувствую. У нее особенная аура. А в том кусте ничего нет, только воробьи спят.

Он даже успокаивающе погладил ее ладонь, но в ответ получил только щипок – Шиповник заранее предупредила, что защищать свою честь она будет до последнего и никакие приставания терпеть не намерена.

– Ну, что там по списку? – спросила она.

В кармане Унро лежал сложенный листок бумаги со списком действий, который для них заботливо составил Джек. Шиповник, уже имевшая определенное мнение о самом Джеке и качествах его ума, крепко сомневалась, что в этом списке хотя бы один пункт без подвоха, но не смогла найти, к чему придраться. У них обоих – и у Унро, и у нее – был совсем небольшой опыт по части свиданий, а так как жребий изображать парочку выпал им, то приходилось прислушиваться к мнению «старших товарищей».

– Лучше бы мы своим делом занимались, – расстроено шипела она, имея в виду историю про руки.

Унро неопределенно пожал плечами, одновременно пытаясь незаметно выудить из заднего кармана джинсов листок бумаги.

– Так, следующее, – шепотом сказал он, – Сидеть на скамейке и... тесно... кхм... обниматься...

– Кто так говорит? Безграмотно совсем, – возмутилась Шиповник, заглядывая в список.

Длинные волосы, распущенные по случаю «свидания», легкой волной мазнули Унро по щеке, и тот, торопясь, убрал бумажку.

Этот список был немного отредактирован после того, как его одобрила Шиповник, и в пункте три было вовсе не «обниматься».

Девушка хотела было возмутиться, выпрямилась – и зашипела сквозь зубы. Прядь волос зацепилась за пуговицу на куртке Унро.

– Подожди, – засуетился он. – Сейчас я распутаю.

Шиповник сама попыталась было извернуться, чтобы посмотреть, но длины запутавшейся пряди не хватило. Унро помог ей дойти до скамейки, и они неловко присели.

В темноте было сложно нащупать и распутать паутину тонких волос, Унро возился довольно долго.

– Энца рядом? – спросила Шиповник, сейчас больше переживая о том, как они нелепо смотрятся со стороны, чем о своей безопасности.

Унро, не отвлекаясь, быстро окинул пространство вокруг сканирующим плетением.

– Да, двигается к нам, – сказал он. – Скоро будет тут.

– Странные они, да? – сказала вдруг Шиповник.

От ее тихого голоса, который звучал слишком близко – и слишком интимно, – Унро только сглотнул. Промычал что-то согласно. Шиповник сидела рядом, прижимаясь к его плечу, и тонкий травяной запах ее духов кружил бедняге голову.

– Ну, я имею в виду, что вообще там все странно, во флигеле... и эта история, с магом-некромантом и умертвием... Унро, а ты никогда не думал, что их духи, ну... могли переселиться? И остаться в них?

Унро вытаращил глаза, отвлекшись от пуговицы. Благодаря Джеку он прошел суровую подготовку в августе и уже получил иммунитет к подобным мыслям. И теперь, высказанные другим человеком, они звучали для Унро бредом.

Юноша не успел ничего ответить – их прервали:

– Молодые люди, вам помочь? – вкрадчиво спросил незнакомый голос.

Унро и Шиповник одновременно повернули головы, чтобы ответить, – и на миг остолбенели.

В желтых тусклых глазах не было ничего человеческого. Серое удлиненное лицо согнувшегося перед ними существа было похоже на пластиковую маску.

Шиповник завизжала, а Унро толкнул ее в сторону и, извернувшись, обеими ногами пнул существо в лицо.

С треском отлетела пуговица, так и оставшись в волосах Шиповник, а девушка прокатилась по асфальту, обдирая ладони. Из кустов напротив нее беззвучно выпрыгнула черная тень, и Шиповник снова взвизгнула, одновременно бросая на лету сотворенное плетение.

– Нет! – закричал Унро. – Это Энца! Энца!..

Черная фигура рывком ушла в сторону, уворачиваясь от плетения, оттолкнулась от земли и бросилась к существу, замахиываясь гудящими от напряжения саблями, но Унро снова предупреждающе закричал.

Энца уже не могла свернуть, набрав приличную скорость, и все, что она успела сделать, – это отвернуть сабли, чтобы никого не задеть, и по инерции влететь кубарем в кусты на противоположной стороне.

С грохотом рухнули подрубленные на ходу сучья деревьев, из кустов донеслась невнятная ругань. Шиповник села на асфальте, ошеломленно оглядываясь. Унро разрывался между тем, к кому броситься в первую очередь. Существа нигде не было видно.

В конце концов, Унро подбежал к Шиповник, помогая ей встать, – Энца уже самостоятельно выбиралась из кустов.

– Что это было? – с любопытством спросила она, потирая ссадину на лбу. – Я не успела разглядеть. И чем ты в меня запустила?

– Я не знаю... – растерялась Шиповник и жалобно оглядела их обоих. – Я так испугалась...

– Ты не поранилась? – встревожилась Энца, присела рядом на корточки, и они с Унро вдвоем попытались осмотреть девушку, а Шиповник слабо отмахивалась.

Руки тряслись, и Шиповник никак не могла решить, что же страшнее – ужасный урод, который подкрался к ним так неожиданно, или то, что она чуть не причинила вред коллеге.

– Извини, извини, – повторяла она. – Тебя точно не задело? Ой, и что теперь будет? Я куда-то сюда запустила, и даже не знаю, что теперь будет...

Энца пожала плечами: она и отдаленно не могла почувствовать то плетение, слишком уж тонким и замудренным оно было. И Унро не смог ничего определить. На всякий случай он изучил весь участок дороги перед Шиповник – но ничего дурного не нашел.

– А чего ты кричал? – спросила Энца. – Что это было все-таки?

– Призрак, – ответил Унро. – Я успел немного просканировать его, когда ударил и ноги сквозь него прошли. Я боялся, что ты нас заденешь, если будешь его рубить, он же бесплотный.

– Круто, – оценила его скорость анализа Энца. – Ну, в принципе, тоже, наверно, результат. Хотя и непонятно, кто парней раздевал и откуда эти дурацкие истории. Ладно, давайте на этом закончим. Призрака видели, зафиксировали. Оформим и передадим дело чистильщикам.

– А... вот все это – как? – растерянно спросила Шиповник, обведя рукой и просеку, которую проделала Энца, и место своего предполагаемого удара.

– Ну... как-нибудь, – сказала Энца. У нее зазвонил телефон – видимо, Джек заскучал на своем посту под часами на перекрестке, и девушка торопливо сказала: – Будут ругать, скорее всего, но вы не расстраивайтесь.

Унро и Шиповник переглянулись.

Им еще предстояло знакомство с Офелией, которая лично курировала все дела, так или иначе связанные с ее «любимчиком». В этот раз, к ее негодованию, Джек был ну совершенно ни при чем, хотя это не помешало ему присутствовать при разбирательстве и довести даму до белого каления.

Несколько срубленных сучьев простили бы, но заклинание, брошенное Шиповник, оказалось с подвохом: оно исказило пространство над дорожкой, хотя срабатывало не всегда, а по какому-то пока не определенному алгоритму.

Следующим утром пара собачников неожиданно для себя переместились в дальний конец парка, и один бегун – к общественному туалету. Собаки остались на дорожке, поводки срезаны как бритвой. Хорошо еще, что обе оказались добродушными спокойными созданиями, и изловить их труда не составило.

Засечь искажение было практически невозможно, оно давало некоторые колебания, только когда в поле попадал подходящий объект.

Тем же вечером в эту ловушку попал некий молодой человек. Во время переноса он потерял сознание, и его доставили в ближайший госпиталь. При нем были обнаружены кустарные артефакты подозрительного вида, и вызванная маг-бригада определила их как незаконные артефакты для воздействия на сознание. Молодого человека задержали, и через некоторое время дело об избитых и раздетых юношах было раскрыто.

Злоумышленник не был магом, поэтому об этом в Дисциплинарный комитет ничего не сообщили.

Офелия приехала на следующий день – расследование причин казуса ловушки в парке было молниеносным, виновники, впрочем, не скрывались и не отпирались. Она проконтролировала воспитательный процесс, но осталась совершенно недовольной педагогическими талантами Финнбара – и новому начальнику тоже досталось.

После праведных трудов дама пообедала в кафетерии Эллинского дворца и, встретив там Якова, не упустила случая пообщаться.

– Это у вас хобби такое – собирать паноптикум из особых бездарностей и неудачников? – ядовито осведомилась Офелия, присаживаясь за столик.

Яков покосился на нее и отложил вилку, которой он уже минут пятнадцать ворошил салат.

– Что вы, уважаемая Офелия. Ни в коем случае. Оба новеньких – весьма перспективные маги, да и к тому же до сего момента не имевшие ни одного нарекания.

– Прекрасно, – скривила губы дама. – Значит, дурное влияние? И сколько еще подобных делишек вы будете своему протезе спускать с рук? Впрочем, что же я. Слышала, что вы скоро уходите со своего поста?

Яков вдруг повернул к ней голову, и ровный серый свинец его глаз неприятно поразил Офелию.

– Что до моей... отставки, то это не ваше дело, дорогая Офелия. Хотя вы, как и всегда, не видите за деревьями лес. Прислушайтесь к моему совету и постарайтесь приглядеться к тому, что вокруг вас происходит. Целее будете.

Сухо кивнув на прощание, Яков удалился. Офелия только недоуменно хлопала густо накрашенными ресницами.

Шиповник тяжело переживала первый в своей жизни выговор. Энца, помня свои ощущения, пыталась ее утешить, но безуспешно. Нужно было иметь обаяние и уверенность Джека, чтобы простое «забей» в такой ситуации выглядело весомо.

Унро же, напротив, совсем не переживал – как-то по секрету он признался Энце, что у него повышенный индекс Гримана – то есть возможность несчастного случая. Из-за этого юноша с детства попадал и попадает в различные неприятности, а потому и знакомством с главой Дисциплинарного комитета его удивить было сложно. Яков слегка покривил душой, сказав, что нареканий у новеньких не было. Серьезных – нет, просто цепь случайностей и совпадений, и Унро с завидным постоянством собирал на свою голову все, что можно.

«Так вот в чем дело», – еще тогда подумала Энца. Все же теория о том, что во флигель просто так не попадают, подтверждалась. Шиповник и Финнбар пока туда не очень подходили, но может быть и у них что-то такое за пазухой есть.

Шиповник на время углубилась в учебу, а в отделе выполняла только распоряжения начальника, стойко игнорируя все страстные призывы Унро помочь ему с загадкой рук-в-стене.

Пока Унро не наткнулся в архиве на пару интересных бумаг.

Телефон зазвонил прямо на паре. Шиповник подпрыгнула от неожиданности, прихлопнула его рукой и, нервничая, не сразу смогла отключить. Преподавательница, умолкнув, вежливо ждала, пока девушка справится. Острые иглы серых глаз поверх стильных узких очков женщины пронзили студентку, как мотылька.

Ведь еще надо было так попасть, злилась Шиповник, и неровные пятна румянца расплзались по ее щекам. Гаш, преподавательница теории упругости, была той еще язвой и злопаметной дамой, которая терпеть не могла, когда ее прерывали. Обычно Шиповник отключала даже вибрацию на входящие, когда была на ее предмете, а тут и звук позабыла.

– Это по работе из архива, – несчастным голосом сказала она, понимая, что даже извинения могут не спасти ее зачетку на предстоящем экзамене в зимнюю сессию.

Гаш такие вещи запоминала надолго.

– В самом деле? – вдруг спокойно спросила преподавательница, и острые иглы спрятались. – Тогда можете выйти и перезвонить.

Если кто до этого не обернулся, чтобы поглядеть на дуреху, которая так опростоволосилась с телефоном, то сейчас на нее посмотрели все. Гаш – и разрешила выйти перезвонить? Не съязвив ничего и не попытавшись сравнить умственные способности студента с инсект-объектом?

– Благодарю, – деревянно сказала Шиповник и стремительно вышла.

Она отошла по коридору насколько могла дальше, чтобы обрушить на голову бедняги Унро самые отборные ругательства, которые только знала.

– Какого беса ты звонишь? – кричала она. – Ты ведь знаешь, что я на занятиях! Да меня из-за твоего звонка завалить могут! И я сейчас еще половину лекции пропущу!

– Ну, спишешь, у кого-нибудь, – расстроенно пытался вклиниться в ее монолог Унро.

Извиняться он уже прекратил: после десятого или двенадцатого раза Шиповник просто взъярилась еще больше, и Унро покорно замолчал, посчитав, что ей надо выговориться.

Шиповник и выговорила. Потом бросила трубку – и вдруг успокоилась.

– Чего ты хотел-то? – набрав снова номер коллеги, спросила она.

– Слушай, – возбужденно сказал Унро, сразу позабыв об этой интермедии. – Я тут чего накопал. Помнишь тетку, которую за подол рука хватала? Ее прапрадед был магом, в Императорской егерской службе.

– Ну и что? – раздраженно сказала Шиповник.

– А то, что один из предков парня, который самый первый видел эти руки, тоже был магом и служил егерем в те же годы.

– Надо остальных проверить! – тут же включилась Шиповник. – Прямо по цепочке проследить до тех лет... узнать, может они пересекались, были знакомы, или еще что-то... Ох, подожди, у меня еще одна пара после этой, я тоже хочу в архив пойти. Ты пока разрешения возьми, ладно? И на меня тоже.

– Ладно, – обрадовался Унро. – До встречи тогда.

– Все в порядке? – осведомилась Гаш, когда Шиповник вернулась в аудиторию.

– А? – рассеянно отозвалась девушка. – Да... да, все в порядке, просто кое-что нашли по одному делу.

– Не забудьте сделать копию пропущенной части лекции, – сухо сказала Гаш. – Итак, продолжим...

Позже, расспросив коллег, Шиповник узнала секрет снисходительности: летом преподавательница присутствовала при достопамятном раскрытии флигеля и помогала разворачивать чары Артура.

Шиповник подумала, что после *такого* звонки «по делу» из архива не могут восприниматься как неважные.

Шиповник степенно шагала по людным аллеям – и летела не разбирая дороги по пустым, чтобы срезать путь до флигеля. Последнюю лекцию она прогуляла, первый раз в жизни, но перед этим, правда, договорилась с сокурсницей о том, что одолжит ее записи.

– Ну, что? – выпалила она, сразу влетая в архив.

Сегодня флигель даже ни на миг не моргнул, и вроде как поближе подвинулся, будто одобряя нетерпение, с которым она спешила на работу.

Леди Гарброу – а точнее, младшая из них, – укоризненно посмотрела на Шиповник.

– Разве можно так? – прошелестела она. – Вы даже не переоделись.

Из-за стеллажа выглянул Унро и радостно помахал ей.

«Что-то нашел», – поняла Шиповник и стрелой понеслась вверх, чтобы скинуть куртку и переобуться.

В кабинете сидела Энца, чем-то расстроенная, а на месте Джека, оседлав стул и положив подбородок на спинку, покачивался незнакомый молодой человек. Он немного был похож на Унро: тоже невысокий и светловолосый, но в отличие от коллеги был физически более крепким и производил совершенно иное впечатление. Он быстро сверкнул глазами на вошедшую, коротко кивнул и продолжил разговор. Шиповник не вслушивалась, но общий тон был довольно унылый.

Шиповник с недоумением подумала об Энце: мало того, что она с напарником крутит – а Шиповник была в этом абсолютно уверена – и обманывает своего мужчину, так еще вот и

третий появился. С Джеком, видимо, последнее время не ладилось, приходил он все реже, и напарники едва разговаривали друг с другом.

Из этих троих Шиповник больше всего нравился Донно: сразу видно, что надежный мужчина, настоящий. Который заботится и оберегает, да еще и маг не из последних.

Да впрочем, что ей за дело? Пускай Энца сама со своими мужчинами разбирается. Была бы поумнее, занималась бы карьерой. Вот она, Шиповник, как только диплом получит, сразу отправится в столицу, у нее есть список из компаний, в которые девушка собралась подавать резюме, и целый план для дальнейшей жизни.

– Вот, смотри, – шепотом сказал Унро (младшая из Леди Гарброу все еще была рядом) – и разложил перед Шиповник несколько потрепанных старых бумаг.

Рядом был его блокнот, густо исписанный крупным детским почерком.

– Я нашел еще одного из егерской службы... точнее, это женщина. Тоже маг, Нено, – и представь, она дальняя и очень далекая по крови прапрабабка сразу двоим из нашего списка, кто видел руки. Они, наверно, и сами не знают, что родственники. Хотя там родственности одна капелька, но все равно...

– Ничего себе, – в полном восторге шептала Шиповник. – Такое совпадение не может быть просто так, да? А ты что-нибудь про них накопал еще?

– Немного. Вот тут несколько дел, в которых он и она участвовали. По отдельности, конечно. Не пересекались, но наверно, если работали в одной службе, были знакомы. Получается, уже трое: Гриф, Рябинник и Нено, и через них связаны уже четверо из шести свидетелей.

Шиповник торопливо перелистала желтые хрупкие страницы, подшитые в папку, заполненные чьей-то уверенной твердой рукой. Чары, которые сохраняли бумагу, все еще держались, холодком отдаваясь в пальцах.

Но ничего интересного. Очень похожие дела Шиповник и ее коллеги до сих пор разбирали у себя наверху, и точно так же выезжали проверять достоверность донесений, как и егерь-маг Гриф, и Нено, и еще многие другие.

– А ты не нашел, что с ними могло случиться? Как они умерли?

– Нет, – покачал головой Унро. – Но последнее по времени, что я нашел, – вот эти два документа.

Он пододвинул ей поближе две бумаги, явно вырванные из папки. Прощение от старосты некой деревни Утицы – длинное перечисление разнообразных событий и жалобы на приезжую ведьму – и ответное распоряжение о выделении отряда из пяти егерей для разбирательства. Первая – за июль тысяча девятьсот восьмого, вторая – за август.

Ведьму... это надо же. Впрочем, тогда еще много необразованных было, ведьмами всех подряд называли и не отличали от магов.

– А почему бумаги отдельно, не в папке? – как можно тише спросила Шиповник, невольно оглядываясь на Гарброу, которая неподалеку от них сортировала подшивки.

Унро подвинулся ближе и тоже понизил голос:

– По каталогу там должна была быть папка с незакрытыми делами за тысяча девятьсот восьмой, но вся полка в беспорядке. Бумажки были рассыпаны, а обложки не было. То есть, может, еще что-то было, но уже не найти. За следующий год ничего нет, ни об одном из этих троих.

Шиповник вздохнула: после летних событий во флигеле сотрудники уже не раз находили разоренные или перевернутые полки. И если до появления Леди Гарброу это еще как-то сходило всем с рук, то после – любой беспорядок вызывал негодование архивариусов и долгие разборки.

Шиповник потерла ладонью лоб, вспоминая все, что она знала о делопроизводстве начала века.

– Должны быть каждый месяц отчеты о ревизии дел, – сказала она. – Или каждые полгода? И еще описи...

Унро покачал головой – и то, что он нашел, можно сказать, было чудом.

– Подожди, – вдруг сказала Шиповник. – Ну ведь они наверняка получали жалованье, и списки где-то должны быть.

– А в списках можно увидеть, когда они перестали получать, – подхватил Унро, невольно повышая голос.

– Здесь такое не хранится, – прошелестела Гарброу, о которой они уже позабыли.

Молодая женщина тускло взглянула на них, а потом кивнула куда-то в сторону.

– Все данные о жаловании, обмундировании, обеспечении артефактами и оружием хранятся в хозяйственных службах, – сказала Гарброу. – Мы подали прошение на перевод этих документов в наш архив, но во Вдовьем доме не спешат их отдавать.

Она поджала губы, выражая свое негодование.

– Гарброу, – заискивающе сказал Унро. – Мы вот тут возьмем бумажки, чтобы копии сделать, ладно? И еще знаете, я одну полку нашел, наверное, чистильщики ее перевернули, все перепуталось...

«Болван», – подумала про себя Шиповник и пнула его под столом. Лучше бы Леди Гарброу сами нашли полку, без них.

Гарброу стремительно встала и, сузив глаза, ястребом пролетела вглубь архива, кинув на ходу:

– Где?!

Шиповник быстро схватила документы и понесла вверх, пока Унро уточнял место, одновременно пытаясь отвести от себя все подозрения.

Энца уже была одна, и Шиповник, проходя к своему месту, спросила:

– Все в порядке?

Энца пожала плечами.

– Послушай, – поколебавшись, сказала Шиповник. – Если нужно получить доступ к архиву другой службы, это через начальство?

– Да, – ответила, подумав, Энца. – Или можно написать официальный запрос. А если там есть знакомые, можно проще.

– А у нас есть? В хозяйственных?

– У Джека есть знакомый, он раньше артефакты помогал нам вне очереди получать...

Девушки перевели взгляды на пустой стул, который так и остался стоять спинкой к столу.

Джек не появлялся второй день.

– А ты сама его не знаешь? Можешь попросить, чтобы он нас в архив провел?

Может быть, Энца и отказалась бы – все же она не очень хорошо знакома была с тем магом, который помогал Джеку, но в тот момент пришел растрепанный Унро. Он едва вырвался из когтей Гарброу, чудом сумев спасти свое честное имя.

Унро плюхнулся на стул, а потом, к досаде Шиповник, выложил все, что им удалось узнать – и про двух предков, и про ведьму.

Зато Энца заинтересовалась и, переборов обычную нелюбовь к телефонным разговорам, договорилась с кем надо, чтобы Унро и Шиповник пропустили в архив Вдовьего дома – хозяйственных служб Института.

– Послушай, а ты уверен, что мы на нужной платформе?

Пронзительный ветер пробирал до костей. Шиповник затолкала кончик косы в задний карман джинсов, чтобы та не болталась, и поежилась, обхватывая себя руками. Усталый жен-

ский голос объявлял отходящие и приходящие поезда, но табло на их платформе не работало. Шиповник была уверена, что коллега, как всегда, все перепутал, и поезд вот-вот уйдет по соседнему пути. Унро в нелепой полосатой шапке и куртке – явно теплой, хотя тоже нелепой, – стоял рядом, комкая в руках билеты.

Они ехали в Утицы, и, оглядывая залитые киселем тумана железнодорожные пути, Шиповник никак не могла поверить, что она пропускает занятия, чтобы в какой-то деревне расспрашивать о ведьме и падеже скота столетней давности.

В ее сумке лежали распечатанные снимки найденных ими бумаг в архиве хозяйственных служб. Выносить и копировать запретили, так что они с Унро тайком фотографировали документы на телефон. Это потом, когда все точно будет известно, они запросят все официально, а пока и так сойдет.

Вот сейчас, как думала Шиповник, пытаясь подавить тщеславные мысли о будущем успехе, они идут по верному пути.

Архив хозяйственных служб был не в пример скучнее, но и более организованным. Там был электронный каталог, и коллегам удалось найти несколько интересных бумаг.

По спискам о выданном жалованье получалось, что Гриф, Нено, Рябинник и еще двое егжей получали деньги в последний раз в июле. В августе по распоряжению начальства им были выданы подорожные, пайки, артефакты – и стояла отметка о невозврате последних. Местом назначения у всех пятерых была деревня Утицы.

Судя по всему, эти люди так и не вернулись.

История двадцать третья. Могилы и их обитатели

В Утицах, которые были в часу езды от Гражина, было так же туманно и промозгло, как и на вокзале города. За сто лет в облике деревни изменилось немного: разве что добавилась автобусная станция и приросла одна улица.

Пока Унро, старательно сопя, вертел телефон, чтобы поймать сеть и загрузить навигатор, Шиповник подошла к двум женщинам, которые обсуждали приезжих у дверей сельского магазина, и узнала дорогу.

На самом деле никуда бы они не поехали, но телефон сельской администрации не отвечал, а на почте Утиц – в сети удалось раздобыть только два номера, относящиеся к деревне, – им сказали, что они не могут знать «за главу, где он там сейчас... он у нас занятой, в разъездах все».

И тогда Унро сказал: «Давай поедem туда сами. Еще и посмотрим своими глазами место, где жила настоящая ведьма».

Шиповник не согласилась бы, но это невероятное совпадение – ниточка, которую они сами каким-то чудом выкопали, – возможный ключ к решению сразу двух загадок наполняло ее кровь адреналином, и она согласилась, даром что вечером была лекция и два семинара.

Энца помогла оформить командировочные удостоверения, и они с Унро сляпали кое-какие служебные задания, пока Шиповник договаривалась со своим деканатом о пропуске занятий. Финнбар отнесся к их бумагам равнодушно, подписал даже не глядя – Энца, которая их относилa, подумала, что у начальства, видимо, какие-то проблемы.

Энца выписала себе на бумажку имена двух оставшихся егерей и пообещала узнать про них все, что сможет, а пылающие жаждой свершений коллеги отбыли на вокзал.

Здание сельской администрации стояло на пригорке, полускрытое за деревьями. Выкрашенное в зеленый цвет, летом, наверно, оно и вовсе терялось в листве. С раскошeгoся деревянного крыльца внутрь вели две двери: на одной было написано «Почта», на другой – «Администрация».

Унро и Шиповник одновременно вздохнули, глядя на эти таблички. Сложно было представить, что в таких условиях можно не знать, на месте ли глава или нет. Да и просто позвать к телефону...

Тут их ждало первое и самое крупное разочарование.

Глава на месте был. Полный крупный мужчина с красным лицом радушно приветствовал гостей, усадил их пить чай, не обращая внимания на протесты и попытки Шиповник разобратъся, почему тут никто не подходит к телефону.

– Сломан телефон, – с неуместной гордостью сообщил глава. – А чинить некому. Да вы садитесь, садитесь. На практику, да, молодежь? Ох, как обрадуется наш Гордей, ох, обрадуется. Он сейчас на вызове, подойдет скоро. Дел много, мы с ним тут разрываемся просто. Это наш маг, он деревню бережет, сил не жалеет...

В торопливые перекаты слов невозможно было вставить свое, хотя Шиповник и Унро наперебой его уверяли, что приехали по делу, а вовсе не на практику и не посмотреть, как тут дела идут. С ним было невозможно спорить. Даже когда зазвонил телефон, глава – Аркадий Михайлович – только развел руками.

– Звонит и звонит, – сказал он. – Но не соединяет. Я уж думал выдернуть провод, а он все равно звонит.

– Давайте я посмотрю, – вклинился Унро. – Я немного разбираюсь в таких вещах.

– Не стоит, не стоит, – добродушно отмахнулся Аркадий Михайлович, – ну зачем мне вас обременять? Вы уж лучше расскажите, какое у вас задание? Что там теперь в городе? У нас-то тут все тихо, по-старому, вашего этого стрессу нет, да и не надо нам.

Но и так слова не дал вставить, продолжая описывать славную и тихую жизнь деревни. Шиповник озверела вконец, но устроить скандал ей помешало появление высокого бородатого мужика. Он постучал болотными сапогами у входа, швырнул пустую корзину в один угол комнаты – весьма условно называемый тут кабинетом, – а грязную длинную куртку в другой угол.

– Ни беса нет, – пророкотал он. – Дожди идут и идут, а ни беса не найдешь в этих гребаных лесах. Ни одного гребаного червивого гриба... Что за мелочь?

Он вдруг сунулся между ними, втягивая широким плоским носом воздух, и Шиповник от неожиданности взвизгнула.

– Маги, – с некоторым презрением констатировал пришедший, протопал ко второму столу, оставляя на половицах черные следы, и бухнулся на стул.

– А это Гордей, наш маг, – сказал глава. – Вот к нему все вопросы.

– Да у нас вопрос больше к вам, – удерживая за руку Шиповник, примирительно сказал Унро. – Нам нужны сведения о ведьме, которую у вас тут отловили в начале прошлого века. Вот, я же вам показывал наше служебное задание.

Глава и маг переглянулись и захохотали.

– Это ж когда было? Ну и спохватились, – пофыркивая, отозвался Аркадий Михайлович. – Да у нас при моем деде еще все архивы погорели.

Это был удар. Шиповник даже вздрогнула, и с трудом сдержала злые слезы, которые тут же обожгли глаза. Ну стоило сюда ехать?! Чтобы этот толстый ленивый лгун так легко разбил все надежды?

С интересом разглядывая побледневшее лицо студентки с неровными пятнами румянца, Гордей откинулся на стуле и подмигнул нахмурившемуся Унро.

– Эк вас припекло, – сказал маг. – А вы езжайте в Хрыпно, у них настоящий есть архив, там копии со всей волости собирались. А если расскажете, чего ищете, мож и мы поможем, а, Аркадий?

Ничем они не помогли. Ни один из них, конечно, не помнил – и не мог помнить – тех событий. Но раззадорившийся Аркадий Михайлович сходил к почтальоншам, и Унро повторил укороченную версию истории – о руках они уговорились не упоминать, только о том, что ищут следы пропавшего отряда егерей.

Почтальоншам, двум пожилым женщинам, история показалась занятной, но никаких егерей они не помнили, зато одна из них что-то такое о ведьме слышала, пошла звонить своей родственнице, и вскоре на Унро и Шиповник вывалили несколько баек, которые юноша старательно записал, не очень-то обольщаясь насчет их достоверности.

Потом оживленной толпой все сходили в дальний конец деревни, где из земли, поросшей почерневшим бурьяном, еще торчали остатки гнилых бревен. По общему предположению, именно здесь сто лет назад жила ведьма. Место считалось дурным, хотя ни один маг – ни обследовавшие окрестности Унро и Шиповник, ни сам Гордей – ничего «этакого» не почувствовали.

Гордей проводил их до автобусной станции, когда разочарованная и не дождавшаяся зрелищ толпа разошлась, кинул под ноги знак доброй дороги и отбыл восвояси.

– Если чего найдете интересное, приезжайте рассказать, – напоследок сказал он. – Или письмом хоть. Но лучше приезжайте, я вас повожу по местам нашим. Тут красота, только смотри да смотри. Есть и любопытные уголки, где бесовщина всякая бывает, тоже интересно.

Шиповник не очень поняла, как может быть интересной какая-то «бесовщина», да и грубый мужик ей совсем не нравился, но она на всякий случай криво улыбнулась, пока Унро, балда такая, всячески уверял, что приедут и обязательно все посмотрят.

Ага, как же. Так ее тут и видали, в дыре этой.

Пока они ждали автобуса, безуспешно пытаясь согреться в продуваемом всеми сквозняками зале автобусной станции, позвонила Энца.

– Я нашла их, – обрадованно сообщила она. – И Тимофей, и Лягва, оба прослеживаются до наших свидетелей. Они все – все, представляете! – потомки тех егерей. Что-нибудь получилось узнать?

– Ничего, – мрачно сказала Шиповник. – Архив сгорел. Они тут ничего не знают. Мы едем в город Хрыпно, где, *может быть*, сохранились какие-то документы. Слушай, позвони туда в местную службу, предупреди, что мы приедем? Может, не так бестолково все пройдет.

– Ну... хорошо, – не решившись спорить, сказала Энца. – Я позвоню, попробую. Удачи вам.

На автобусной станции Хрыпно их встречали. Встрепанный молодой человек в потертой кожаной куртке схватил Унро за плечо и нервно спросил:

– Из Гражина? Маги?

Унро только кивнуть успел, а молодой человек стремительно зашагал в сторону, махнув им рукой.

– Почему так долго? Идите за мной! У меня машина за углом, быстрее!

– И что им Энца сказала? – недоуменно спросила Шиповник, одновременно радуясь, что сейчас можно будет погреться в машине.

Правда, в стареньком зеленом вездеходе печка еле-еле работала, так что Шиповник еще больше продрогла. Она поглядывала в окно, сначала равнодушно, потом удивленно: архив, видимо, был не в черте города, их провезли по узеньким улочкам, потом дома сменились подлеском.

...Спустя пятнадцать минут, стоя на холме под порывами ледяного ветра и оглядывая темные лесные просторы перед собой, она возмущенно спросила, уже не в силах сдерживаться:

– Это что вообще такое? Вы куда нас привезли?

Нервно приглаживая встопорщенные темные волосы, молодой человек недоуменно посмотрел на нее.

– Это, – сказал он, обводя рукой черные кроны елей, теснившихся в низине у подножия холма, – место точечного прорыва. А вон там, где туман клубком, – монстр-объект. Мы еще вчера запрос присылали, я с утра сторожу все автобусы, мой коллега на вокзале поезда встречает, а вы, вижу, и не торопились.

Шиповник ненавидела природу, лес, прелые листья, холодный ветер и тупых людей. Каким, каким же образом вышло, что она тащилась вслед за одним из самых больших идиотов на свете, поминутно отводя от лица тяжелые мокрые лапы елей и проваливаясь в подгнившую подушку хвои по щиколотку?

Парень, что завез их на край света и пытался бросить в пасть монстр-объекту, не поверил, что они по совсем другому делу. Он решил, будто маги струсили и обманывают, чтобы отвертеться от задания, и от презрения в его прищуренных глазах Шиповник завелась не на шутку.

– С чего вы взяли, что мы обязаны разбираться с вашими проблемами? – сердито выговаривала она. – Что, у вас своих магов не хватает? Почему сами не можете ничего сделать?

– У нас... у нас есть патруль, – отведя взгляд, сказал парень. – Но город маленький, боевых магов всего-то четверо... трое. Двое сейчас не смогут вернуться, они выехали в область, третий серьезно ранен, а четвертый... четвертый погиб вчера. Монстр-объект входит в силу,

он уже начал покидать место прорыва, и скоро могут пострадать люди, которые живут в ближайших к этому прорыву районах города. Я не боевой маг. Моего уровня не хватит даже на то, чтобы поймать чудовище в ловушку. Остальные в нашей конторе... тоже.

Шиповник онемела и только смогла пробормотать: «Простите». Унро взял ее за локоть и мягко оттянул назад.

– Послушайте, – сказал он. – Мы приехали, чтобы найти интересующие нас документы в архивах службы, а если понадобится, и городского управления. Давайте так: мы поможем тут, а вы посодействуете нам с бумагами?

И вот каким-то таким образом и получилось, что Шиповник, проклиная на чем свет стоит и юношу, и судьбу свою, продиралась сквозь еловый лес к месту прорыва.

С собой у них был артефакт-ловушка, два бутерброда с сыром и перочинный нож.

Перед тем как расстаться, встрепанный парень, который с опозданием представился Вервольфом, записал их имена, а Унро со своей идиотской улыбкой уверил Шиповник, что несколько раз помогал Энце и Джеку, не говоря уж о патрулировании в родном городе. Так что бояться нечего.

Это он, может быть, и помогал, а Шиповник так никогда дальше тренировок в парке не ходила. Но оставаться рядом с Вервольфом и ждать возвращения бестолкового коллеги даже в голову не пришло: обязательно ведь по дороге заблудится. Перепутает что-нибудь. Он же растяпа.

А Энца бы, конечно, обрадовалась. Она вообще немного неадекватно реагировала на подобные вещи. Наверно, у нее что-то с инстинктом самосохранения: то ли не развился, то ли его отбили в процессе учебы. Шиповник не допускала и мысли, что такое времяпрепровождение может кому-то нравиться.

Унро рассказывал, как на прошлой неделе они с Джеком поехали на вызов. Унро не должен был, но Джек один не мог, а дело было по их списку. Очередная неявка грозила штрафом.

Унро толком ничего не смог сделать: чудовище было устойчиво к чарам. Джек тогда написал сообщение Энце, и та прилетела через четверть часа – хотя, минуточку, рабочий день уже давно закончился, и она была в кафе на свидании с Донно.

Шиповник ни за что в жизни не сорвалась бы со свидания, чтобы... подраться с монстром? Даже мысль об этом звучала дико. Это совершенно несравнимые вещи. Свидания и драки. Ну а те, кто не умеет расставлять приоритеты, в итоге всегда оказываются в хвосте.

Шиповник запнулась об очередной корень, укрытый под слоем рыжей хвои, и едва не упала.

Уши вдруг заложило: беззвучное, но ощутимое кожей движение инородного тела совсем рядом. Словно шипение сотен змей. Шиповник остановилась, стремительно раскидывая небольшие сканирующие щупы, но ничего не почувствовала.

И только сейчас поняла, что Унро впереди нет. Его зеленая куртка, уже успевшая намокнуть, пропала.

Оглушающая тишина опустилась на ельник, и только где-то наверху, в колючих верхушках запутался ветер.

Шиповник глубоко, сипло вдохнула, и ледяной воздух застудил легкие. Дрогнувшей рукой она крепко сжала ближайшую колючую ветку, так что хвоинки впились в ладонь.

Девушка думала, что это ее отрезвит, но стало хуже.

Она одна. В густом сумрачном ельнике бес знает где. Из-под низких ветвей сочится слабый туман, и где-то совсем рядом бродит монстр.

Кому тут нужна трезвость?

Шиповник часто задышала и еще сильнее стиснула еловую ветку, вдыхая смолистый запах.

Унро не мог ее бросить. С ним что-то случилось, или он свернул, думая, что она идет следом. Его просто надо найти.

Нерешительно разжав ладонь – казалось, что она отрывается от якоря безопасности в зыбком сумраке, – девушка шагнула вперед.

Энца бы не боялась... нет, плохой пример... где же Унро... мама и бабушка так и скажут: мы же были правы! Наверно, будут плакать. Точно, особенно мама. Но друг другу скажут: мы были правы, а эта глупышка – нет.

Шиповник закусила губу. Ну уж нет. Всего лишь монстр-объект и всего лишь елки. Она найдет этого балбеса, пусть он разберется с чудовищем, а потом они расщелкают как орешек эту загадку, и Шиповник всем докажет. Она не просто так. Не внучка-дочка, а сама по себе. И...

С коротким глухим воплем девушка свалилась в овраг, прокатившись по осыпавшемуся песчаному склону. Коса зацепилась за выступающие корни, и Шиповник взвыла от боли.

– Подожди! – раздался встревоженный голос, и девушка едва не бросилась на шею склонившемуся над ней Унро.

Придерживая ее одной рукой, он освободил косу и помог Шиповник встать.

– Ты чего так долго? – спросил он. – Я тут тебя жду-жду.

Шиповник постояла всего мгновение, уткнувшись лицом в его плечо.

– Я просто задумалась, – сказала она, отводя глаза. – Давай уж быстрее найдем эту гадость, я замерзла.

Унро кивнул, потом нерешительно предложил свою куртку, которую тут же отвергли. На шарф Шиповник согласилась, хотя и пробурчала, что полоски на нем идиотские.

– В общем, – сказал Унро, ведя ее в сторону тропки, – нужно выйти на открытое место, я сверху приглядел, там полянка есть. Мы поставим ловушку и будем ждать. Я приготовлю обычное плетение для того, чтобы остановить его, а потом припечатаю мертвым храном или бесовым колесом. Ты просто стой и страхуй. Держи наготове мертвый хран и, главное, не двигайся. На всякий случай в другой руке приготовь плетение-щит, чтобы закрыться от случайного попадания.

Шиповник кивала, и ее начинало трясти все больше. Не то чтобы она не доверяла Унро, но и всерьез его воспринимать не могла. Он был едва ли выше ее плеча, нос у него покраснел от холода, а тощая жилистая шея нелепо торчала из ворота куртки, не защищенная шарфом. Какой из него боец? Он ведь обычный маг общего профиля...

Она на всякий случай начала делать щит на левом запястье – правой рукой она держалась за его рукав, чтобы больше не потерялся, – когда уши снова заложило.

В беззвучном злом шипении метались призраки слов, и воздух вокруг сгустился, заledenев.

Унро выругался – кажется, выругался... рот его забавно и беззвучно двигался, потом дернул ее за руку, швыряя куда-то себе за спину.

Почему он ее все время швыряет куда-то? И в парке тогда тоже, все ладони себе ссадила. Хотя силы ему, конечно, не занимать. Легко так сдвинул ее с места. А она вообще-то крупнее. Что за мужики вообще пошли, мелкота одна.

Унро стряхнул с пальцев плетение, а потом резко свел перед собой ладони – жест «пустой колокол», и Шиповник закричала, зажав уши руками. Оглушающее шипение резко умолкло – откатом ударив по слуху, и ее заторможенные пустые мысли разбились вдребезги.

Она лежала на земле, на колкой хвойной подстилке, Унро закрывал ее собой, а прямо перед ним...

человек?

Мясистое круглое лицо, словно из ноздреватого теста, клеклое и бледное. Вместо глаз неровно слеplенные валики, бугристые нос и щеки...

не человек.

Темная длинная шея свисала с высокой еловой ветви, и уходила куда-то в чашу, откуда ползли клочья тумана и где шевелилось нечто огромное.

Оно само их нашло.

Когда монстр-объекты входят в силу, они начинают искать живое: людей ли, зверей. Тянутся, приманивают, догоняют, кто на что способен. Чем больше жизненной энергии они получают, тем сильнее станут и дольше протянут.

Говорят, в древние века такие чудовища могли жить годами и десятилетиями, рождая легенды о драконах, многоголовых тварях и великанах-людоедах.

А еще говорят, что маг, сам сожравший подобную тварь, становился не-мертвым и не-живым, обретая новые способности. Женщин называли ведьмами – и они могли скрываться среди живых, ничем не отличаясь от них внешне, а вот мужчины становились хоть и сильнее, но и уродливее, сливаясь с поглощенным чудовищем почти целиком.

Их уничтожали быстро.

Ведьм же за последние сорок лет в Старом Свете не встречали ни разу.

И сейчас, когда оцепеневшая от ужаса Шиповник глядела на это подобие человеческого лица, строки из учебника истории так и всплывали в ее голове, пока Унро не крикнул через плечо:

– Зайди за дерево! Спрячься и подстрахуй меня! Как договорились!

Что-то щелкнуло, наконец, в ее голове, и вернулась кристальная ясность. Шиповник быстро подхватила с земли, ныряя за ближайшую разлапистую ель и отвешивая сама себе мысленные пощечины. Попалась на ментальный крючок! Дура! Какие ведьмы-колдуны? Сказал же Вервольф, что прореха рядом, и всего несколько дней прошло, за это время ни один маг поглотить сущность не сможет. Тьфу!

Шиповник быстро сформировала обеими руками плетения – мертвый хран и простой щит – и выглянула из-за елки.

Да уж...

Унро попал обездвиживающими чарами в голову, и та ожидаемо обвалилась на землю, но юноша не успел закрепить успех.

Длинная шея сизой кишкой метнулась вперед и петлей охватила его плечи.

Унро замер, а потом стал медленно опускаться на колени: наверное, и он попал на ментальный крючок монстра.

Шиповник задохнулась от ужаса.

Бежать и звать на помощь – не подходит. Звонить – тоже: как только они вошли в ельник, телефоны перестали работать из-за возмущения электромагнитных полей вблизи прорехи.

Все еще продолжая впустую перебирать варианты, Шиповник вылетела из-за елки и бросилась вперед, на ходу сбрасывая мертвый хран на шею монстра. Не снижая скорости, она всем телом толкнула Унро вперед, и рукой, защищенной чарами, стянула через его голову петлю.

Унро выругался и с трудом встал на ноги.

– Оглушил, зараза, – пожаловался он, потирая лоб. – Ну ладно, остановить его не получится, видимо, надо что-то другое придумывать...

– Унро! Ты что! – завопила Шиповник. – Надо бежать, что мы тут можем сделать? И я, и ты смогли обездвижить только небольшую часть его, а...

Она завизжала, громко и отчаянно, когда, ломая сучья и стволы, в их сторону ринулась темная туша, а пелена тумана вдруг поднялась до пояса.

Обхватив девушку обеими руками, Унро нырнул в сторону, уходя с дороги монстра. Удар о землю на миг выбил из Шиповник дыхание, и она несколько секунд лежала без движения, хватая воздух ртом.

Унро вдруг вскрикнул и пропал: едва Шиповник пришла в себя и привстал, она увидела как еще подвижная часть шеи, схватив юношу за ноги, тащит его куда-то в темень.

Бугристая, в налипшей хвое, туша монстра поднималась над ней, выше ее роста, обхватом метра три. Унро видно не было, но слышались его крики.

Шиповник закусила до крови кулак, уже не сдерживая слезы. Сердце колотилось так, что было больно ребрам.

Энца разрубила бы этот мешок, разрубила не глядя, и шею эту нашинковала, и потратила бы на все минут пять. А она, Шиповник, гораздо более способный и могучий маг, сидит тут на хвое...

Дикая идея ударила в голову, и Шиповник закричала:

– Унро! Берегись! Я сейчас его!..

Неразборчивый вопль она отнесла на счет того, что Унро ее услышал.

Вдохнула глубоко-глубоко, выплетая чары пространственного переноса.

Сложив ладонь в жест «меч короля», Шиповник резко рубанула наискось перед тушей монстр-объекта.

Оказывается, может быть так тихо. Снова только собственное дыхание да ветер где-то в ветвях.

Шиповник обошла располовиненного монстра и попробовала вытащить юношу из-под придавившей его кишки-шеи. Сил не было совсем, и девушка заревела от усталости, растирая слезы по щекам, опустилась рядом на колени, пока Унро с трудом выпутывался сам. Лицо и руки его было в ссадинах и царапинах.

– Я же кричал: беги, – устало сказал он разбитыми губами, присев рядом с ней.

– Ты что, дурак?.. – со слезами спросила Шиповник, пытаясь ощупать его руки и ребра, не сразу догадавшись запустить сканирующий шуп на поиск переломов. – Дурак, да?.. Я так испугалась! Я думала, он тебя убивает...

– Прости, – раскаянно шептал Унро, глядя ее по голове. – Прости. Я больше так не буду.

Потом они осмотрели место происшествия. Разделенное будто по линейке существо не подавало и признаков жизни. Неглубокая просека разделила ельник позади него метров на десять.

– Как ты это сделала? – спросил Унро, содрогаясь от мысли, что и его тело могло окататься на линии разрыва.

– Я... поймала половину его тела в пространственный карман и сместила на несколько сантиметров... с глубиной не получилось рассчитать, поэтому деревья задело.

– Я не уверен, – тщательно подбирая слова, сказал Унро, – что местные это оценят, но... по-моему, это было круто.

Шиповник тоже не была уверена, ее просто трясло. Юноша снова помог ей встать и повел обратно; Шиповник обеими руками держалась за его плечо, оказавшееся на удивление твердым.

Когда они вышли из леса, появилась мобильная связь – и сразу зазвонил телефон. Шиповник немного заторможенно смотрела на экран, на котором светилось имя Энцы, потом ответила на звонок.

С пригорка к ним навстречу бежал Вервольф.

– Вы где? – в панике спросила Энца. – Я уже полтора часа пытаюсь кому-нибудь из вас дозвониться, мне сказали, что вы пошли на ликвидацию монстр-объекта... Какого объекта? Что случилось, почему вы не в архиве? Если надо, я прямо сейчас к вам поеду!

– Не надо, – слабым голосом сказала Шиповник. – Мы уже все. Мы его... ликвидировали. Я его разрубила... Пространственной ловушкой.

– Ты – что?.. Вот это да! – неподдельное восхищение в голосе Энцы благодатным бальзамом пролилось на душу Шиповник. – Круто! Слушай, ты такая молодец! Унро-то как, цел?

Шиповник засмеялась – сначала тихо, потом громче и громче. Она сунула телефон Унро, а сама сложилась пополам, не в силах унять хохот.

Она даже не ожидала, что это так... приятно. Что похвала от Энцы будет настолько воодушевляющей.

Впрочем, второй раз в лес она бы не сунулась. Даже ради этого необъятного чувства восторга одержанной победы.

– Привет, – сказал в трубку Унро, беспокойно поглядывая в сторону Шиповник. – Да, я в порядке. Ага, и она тоже. Ой, вот спасибо! Мы как раз сейчас туда поедem и... поздно? Ну, не знаю, может, тут договоримся, где-то переночуем... Да, конечно. Я позвоню.

Он прервал связь и сказал успокоившейся уже Шиповник, которая вытирала ладонью слезы с глаз.

– Пока мы по лесу ходили, Энца прочитала те байки про ведьму, которые я ей послал, и поговорила с архивариусом в Хрыпно, так что нас уже там целая подборка ждет.

– Я вас к себе домой сейчас отвезу, – решительно сказал Вervольф. – Моя подруга готовит обалденно. Накормлю и доставлю в архив, все, как договаривались. И за мной еще отчет в Гражин. И... если вам негде остановиться, то я вас могу устроить.

– Столько добра – и все нам одним? – фыркнула Шиповник, уже приходя в себя и обретая присутствие духа.

Как там жил Вervольф, как выглядела его подруга и что они ели, Шиповник не запомнила совсем. Она устала, но больше всего ей хотелось приняться за свою *настоящую* работу и потом вернуться домой.

Ну, пусть в общежитие.

Главное – вернуться уже, и чтобы все было как следует, без неопределенностей, неожиданностей и поездок этих дурацких.

Когда их довезли до здания службы магической охраны города, было уже около пяти. Шиповник даже удивилась: ей-то казалось, что прошел целый день или два с того далекого утра на вокзале.

Здесь их ждал стол, заваленный бумагами и подобранными подшивками, папками и коробками с документами, старенький компьютер с выходом в сеть и пожилой архивариус, который показал, что и где лежит и как искать остальное, если понадобится.

По рассказам деревенских бабок, которые сами не помнили ведьму, но слышали истории от своих бабок-матерей, на том конце деревни, где сейчас был поросший бурьяном холм, стояли три дома. Не отдельно стояли, улица была, потом две избенки выгорели аккуратно между ними и остальными, так и получилось, что дома на отшибе.

Люди там жили самые обычные, звезд с неба не хватало, работали на поле, за скотиной ходили, детей растили. Ни магов, ни монстров в округе почти и не водилось.

А вот однажды осенью вернулись с солдатской службы сразу трое: одноногий Митька Кабан и братья Вуричи. Братья-то каждый с женкой вернулись, у старшего молодая да смазливая хохотушка, а у младшего степенная вдовушка с дочкой. Дочке было всего ничего, от первого мужа она осталась, но отчим ее как родную любил, своих-то детей сразу завести не удавалось.

Хоть и приезжие бабы, а все как-никак в общую жизнь влились, обе работающие, хоть и старшего жена слишком уж остра на язык была.

(Энца с архивариусом подняли записи имперского регистратора по этой волости и сумели примерно рассчитать, что после женитьбы братья вернулись в деревню в девятьсот седьмом, за год до пропажи егерей).

Помаленьку и жили, пока по весне не началось дурное. Сначала дохли свиньи да козы, не скопом, а по одной – еще подумали, что болячка какая прицепилась. Потом разом пали три коровы у старостиной свояченицы, а дальше, как лето пришло, такое стало твориться...

Тут байки расходились совершенно, пестря всевозможными ужасами, таинственными знаками, пропажами людей и найденными обескровленными трупами. Позвали магов из Хрыпно, те амулетов навешали везде, ворота размалевали знаками своими да уехали.

Люди пропадали. С Вуричами перестали знаться, потому как бабы их, раз приезжие, так верно и были всему причиной.

Прекратилось вдруг само. Когда именно, никто вспомнить не смог, да и про Вуричей тоже – куда они делись, померли или уехали, было неизвестно.

– Нет, ничего нет! – Шиповник с досадой хлопнула очередной картонной папкой о стол. – Ну что это такое, а? Зачем мы чуть не померли в этом дурацком лесу! Егери даже не заехали в город, чтобы отметить! Унро... А вдруг они ехали на телеге, она перевернулась? И все умерли? Или, может, на них разбойники напали? А?

В документах не было ни одного упоминания отряда егерей. Не было зарегистрировано и обращение старосты – но это понятно, вполне может быть, что тот писал сразу в Гражин. Зато были несколько других упоминаний Утиц – вот ведь дурное место, то одно, то другое происходит. Просьба выслать мага для лечения скота и проведения очистительного ритуала. Жалобы на то, что в озере неподалеку постоянно тонут люди, что луна красным каждую ночь, что ягоды в окрестном лесу враз сгнили и еще столько же разнообразных жалоб.

Унро подозревал, что раз выборка только по их деревне, то еще неизвестно, какие прошения и жалобы строчили жители других деревень.

– По-моему, в этой дыре не одна ведьма жила, а целая стая, и в хлеву у них не коровы были, а монстры с той стороны... Вот смотри, еще один отчет: по прошению населения деревни Утиц выехали трое охотников, отловили несколько умертвий и упокоили. Тут даже карта с отметкой, где могильник... Ну откуда там умертвия? Она вообще ничего не боялась, эта ведьма?..

Шиповник пыталась шутить, но голос зло срывался. Встревоженный Унро быстро встал и, прежде чем девушка сообразила, что он хочет, подошел и обхватил ладонями ее голову. Заставил посмотреть на себя.

– Тихо, тихо, – мягко сказал он. – Мы не зря в лес ходили. И сюда не зря ехали. Надо только во всем разобраться, хорошо?

Его светлые глаза смотрели прямо и бесхитростно. Шиповник вздохнула, отведя взгляд. Дурак Унро улыбался ей, хотя наверняка ему было больно из-за разбитых губ. И вообще... он себе много позволяет. Шиповник нервно дернула головой, скидывая его ладони, и собиралась уже отчитать его, как юноша костяшками пальцев провел по ее щеке, убирая выбившуюся прядь за ухо.

Прежде чем она успела что-нибудь сказать, Унро отвернулся и вышел, сказав: «Я сейчас».

Горячий след его пальцев еще ощущался на щеке, и Шиповник невольно потрогала ее, а потом рассердилась и ущипнула себя, чтобы прогнать неуместную растерянность.

Вернулся Унро с еще одной стопкой папок и деревянным гребнем.

И был это совершенно обычный Унро, который смущался и запинался, а вовсе не тот пугающий незнакомец, что минуту назад.

– Вот, – сказал Унро, кладя перед ней гребень. – У тебя после леса волосы... немного запутались...

Шиповник ахнула, поняв, что после всей этой передрыги даже в зеркало на себя не смотрела... а ей никак нельзя было допускать, чтобы волосы спутались – их и с чарами не удастся потом толком расчесать. Она с ужасом ощупала разлохмаченную косу и воронье гнездо на макушке и, схватив гребень, понеслась в уборную приводить себя в порядок. Унро и его наглость были моментально забыты.

– Я посмотрю то, что они подобрали по населению, может, что-то про семью найду, – сказала Шиповник, вернувшись. – А ты снова поищи по сводкам службы, что там к деревне относится.

Она осмотрелась и подтянула к себе одну из коробок.

– Егери могли тайком приехать, – сказала она вдруг, продолжая свои мысли. – И в городе не появиться, и в деревню тоже не заходить... Хотя тогда не смогли бы расследовать. Ну, допустим, один-два пришли в деревню, остальные в лесу спрятались? Те, кто в деревне, разведывали там, их товарищи осматривали округу...

– Ага, и все пропали? – печально спросил Унро. – Они потому впятером и ехали, что со всеми зараз ведьма бы не справилась... да еще и обвешанные артефактами...

Унро задумался вдруг, морща лоб.

– Ты не помнишь список того, что они с собой брали? – спросил он.

Шиповник вытащила из своей сумки помятую утреннюю распечатку и послала ее через стол Унро.

«Августа, третьего числа, на руки выдано:

– пять плащей шерстяных;

– три кинжала, заговоренных мастером Острозубом на верный удар и остроту;

– два амулета «кошкина спина»;

– пять амулетов «слепой глаз»;

– один амулет «птичья клетка»;

– пять веревочных петель, заговоренных мастером Славем на неразрывность.

Под личную ответственность старшего егеря Императорской егерской службы г. Гражина мага Грифа».

– Нет, – нахмурился Унро, – не сходится. Вот смотри, она их вообще не должна была почуять – «слепой глаз» укрывает ауру, и человека нельзя отследить. Они могли сколько угодно и по лесу ходить, и по округе. Им только и нужно было заманить ее в ловушку, накинуть заговоренные петли и активировать «птичью клетку», и она бы уже ничего не сделала.

– Так они же наверняка не знали, кто из баб точно ведьма, – отозвалась Шиповник, сосредоточенно пробегая глазами строчки из отчета. – Могли как-то выдать себя или думать не на ту, пока настоящая ведьма приготовила им самим ловушку.

– Ну... нет, – сказал Унро. – Не верю я, что пять опытных охотников так промахнулись.

– Нашла! – вскрикнула Шиповник. – Вот, есть они. Да не егери твои, а Вуричи. Вот тут отметка об их переезде, и прошение в Межевую канцелярию. Один из соседей хотел себе участок их прирезать, пишет, что «они навсегда уехали, а земли бесхозные стоят».

– А куда они уехали? Все?

– Не знаю, это надо... хм, это надо посмотре-еть, – тоскливо протянула Шиповник, прикидывая, в какой из стопок искать сначала.

Спустя час она подперла голову рукой и сказала:

– А если так: егери всей толпой ходили по лесу, думали, что выманят ведьму, а потом утонули в том озере. Ведьма их там сама поймала... Нет? Тогда как тебе это: вся деревня стала

упырями, а когда еды перестало хватать, стали писать жалобы и жрать магов, которые к ним приезжали.

Унро смотрел на нее очень внимательно, и Шиповник смутилась. Версии были, конечно, нелепые, но она уже так устала, что голова отказывалась соображать четко.

– Я наткнулся на отчет, который ты недавно читала, – задумчиво сказал Унро, и Шиповник поняла, что он ее просто не слышал, размышляя о своем. – Про охотников из Хрыпно, которые умертвий упокоили. Ты на дату смотрела? Тот же август, первая половина.

Шиповник поморгала.

– Ну и оживленное же у них местечко, – озадаченно сказала она. – И ведьма, и умертвия, и императорские егери, и охотники... и все по одному лесу бродят вокруг деревни.

– Шиповник, – произнес Унро. – Откуда у них там умертвия?

Девушка пожала плечами.

– Ведьма кого-то подняла?

– Кого? И если подняла, почему староста в Гражин писал о падеже скота и утопленниках? Почему не писал об умертвиях, которые куда как опаснее?

– Потому что еще не знал, например. Написал письмо, а она на следующий день взяла и оживила кого-нибудь.

Унро помолчал, а потом негромко спросил:

– Скажи, а чем отличаются живые от свежих умертвий? Кроме факта смерти?

Девушка сначала презрительно фыркнула: проверяет, что ли? Но Унро был серьезен.

– Низкий интеллект, – начала перечислять она. – Не все говорить могут, не любят свет... многие из них не переносят замкнутые пространства. Ауры еще. То есть отсутствие ауры. Запах – запах, наверно, сильнее всего...

Юноша подвинул к ней лист с отчетом охотников и приколотой картой, где крестиком были отмечен могильник на берегу безымянного озера под деревней Утицы.

– Как ты думаешь, – спросил Унро, – можно ли доказать, что эти умертвия были на самом деле живы в тот момент, когда их упокаивали?

Шиповник хотела было возмутиться очевидной глупостью фразы, но замерла на вдохе.

– Были ли они живы? – в ужасе повторила она.

История двадцать четвертая. Дело упокоенной ведьмы

Наверно, это было слишком заметно со стороны. Очень уж часто у нее спрашивали, как дела и все ли в порядке.

В порядке. Энце просто было скучно.

Даже мама встревожилась и начала расспрашивать, все ли хорошо, когда Энца позвонила поговорить «просто так» и все никак не прощалась, бессильно цепляясь за совершенные пустяки, лишь бы не вешать трубку.

Саган забегал каждый день – но ненадолго. Он приходил из-за того, что Анна часто болела и оставалась дома, а ему нельзя было брать без нее вызовы.

После болезни Энца практически не разговаривала с Джеком – не потому, что обиделась, просто времени не находилось. Когда он появлялся, то вел себя как обычно, и Энца вынуждена была сама себе признаться, что ей не на что обижаться.

У Джека своя жизнь, и то, что они работают вместе, не должно заставлять его сидеть рядом с Энцей, предпочитая ее своей девушке. Это логично.

Но от этого не менее скучно.

Когда на прошлой неделе пришло сообщение от Джека, то Энца даже не думая вскочила, чтобы нестись к ним с Унро, – и хорошо, что в это время Донно как раз выходил в уборную (они ужинали в ресторане). Энца успела успокоиться и умудрилась уговорить Донно отпустить ее.

Летела как на крыльях, и даже не потому что не терпелось разрубить парочку монстров, а потому что на миг вернулся старый азарт и ощущение, что все-как-прежде.

«Привет, кровожадная малявка. У нас вызов. Монстр, большущий, уродливый, и к тому же с иммунитетом к чарам. Унро в растерянности, а я хочу домой. Не могла бы ты его немножко порубить? Монстра, я имею в виду».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.